

INSPIRIA

САД, НАШЕЙ ПАМЯТИ

Мэри Эллен
Тейлор

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Мэри Эллен Тейлор

Сад нашей памяти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Тейлор М.

Сад нашей памяти / М. Тейлор — «Эксмо», 2020 — (Novel.
Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-164126-9

Там, где пересекаются прошлое и настоящее, нередко можно найти будущее. Мэри Эллен Тейлор рассказывает историю о глубокой утрате, горькой правде и заросшей оранжерее, полной старых секретов. Истории женщин разных эпох, чьи судьбы связаны с оранжереей, которая хранит секреты поколений. Либби пригласили в качестве свадебного фотографа в старое поместье Вудмонт. Его владелица, Элейн Грант, планирует привести в порядок зимний сад и заброшенную оранжерею, которая с первых минут поражает Либби своей красотой. Либби с радостью соглашается сделать памятные фотографии. Она переживает нелегкие времена, и работа помогает ей отвлечься от недавних потрясений. Старое поместье хранит тайны поколений. Когда-то в этих краях жила Сэйди. Она вдыхала сладкий аромат цветущей жимолости и не знала, что уготовила ей судьба. В этом окутанном тайной месте Либби познакомится с молодым вдовцом Колтоном, а позже найдет письмо, которое навсегда изменит ее жизнь. Впервые на русском. Для любителей увлекательных историй, действие которых происходит в нескольких временных пластах. Мэри Эллен Тейлор рассказывает историю о глубокой утрате, горькой правде и заросшей оранжерее, полной старых секретов. Герои американской писательницы Мэри Эллен Тейлор, как и реальные люди, пытаются найти свое место в мире, исследуя темы семьи, дома, любви и своего происхождения. Ее истории неизбежно переплетаются с удивительными событиями мест, в которых они происходят, а тайны, лежащие в их основе, охватывают прошлое и настоящее. Мэри Эллен Тейлор входит в списки лучших авторов по версиям New York Times и USA Today. «Сад нашей памяти» — абсолютный бестселлер Amazon Charts. Для любителей увлекательных историй, действие которых происходит в нескольких временных пластах. «Эта запоминающаяся история обязательно заденет читателей за живое». — Publishers Weekly «Очаровательная и очень

увлекательная история о природе семьи и значении любви». — Seattle Post-Intelligencer «Мэри Эллиен Тейлор пишет романы, наполненные глубиной... Если вы ищете чтение для отдыха, это история для вас». — Steph and Chris's Book Review

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-164126-9

© Тейлор М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	39
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мэри Эллен Тейлор

Сад нашей памяти

Mary Ellen Taylor

Honeysuckle season

Copyright © 2020 by Mary Burton

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Сад – это проблески триумфов на фоне череды потерь, как, собственно, и наша жизнь.

Мэй Сартон, английская поэтесса

Пролог

Вторник, 5 апреля 1994 г.

г. Трентон, штат Нью-Джерси

Конец безмятежной юности Оливии пришелся на осень 1940 года. В Европе всюду разразилась война, да и на Тихом океане уже прорастали семена новых кровопролитий. В то время как ситуация в мире все глубже пускала корни в ее наивное восприятие реальности, Оливия отчаянно пыталась восстановить под собой прежнюю незыблемую почву, еще веря, что сможет, как и прежде, закладывать в нее зернышки новых мечтаний и надежд. Однако земля под ногами продолжала ходить ходуном и разрушаться, пока наконец Оливия о нее жестоко не запнулась, навсегда лишившись своих розовых очков.

Сейчас она сидела у больничной койки, держа бледную ладонь умирающей подруги. Голубые прожилки вен, густо исколотых медиками, исчертили ее маленькие руки, которые впервые за все годы их знакомства не сжимались в кулаки, словно норовя дать отпор. Ее старая подруга, казалось, готова была тихо и в согласии уйти в лучший мир, как будто теперь для нее смерть была желанной гостьей.

Счастливчики все же те, с кем так обошелся возраст. Забрав с годами юность и энергию молодости, он в то же время сгладил отдельные разочарования, унял сожаления и, возможно, даже сменил каких-то демонов на ангелов.

Лицо ее подруги сделалось узким и худым, изрезанным глубокими морщинами. Некогда крепкое мускулистое тело ныне являло лишь кожу да кости. Прежде густые рыжевато-каштановые волосы сильно поредели и были теперь почти такими же белыми, как и сухое пергаментное лицо. Из капельницы ей в кровь медленно поступали болеутоляющие и седативные препараты. Тихонько попискивали над койкой мониторы. Шторки на окнах были плотно сдвинуты, чтобы свет с улицы не тревожил уставшие глаза. Из всех мест, где Оливия могла бы представить смерть своей подруги, это могло быть что угодно, но только не здешняя, полутемная, стерильная больничная палата так далеко от ее родного дома, оставшегося в отрогах лесистого Голубого хребта Аппалачских гор.

Оливия почти даже жалела, что, оказавшись сейчас здесь, быть может, с каждым мгновением все больше теряет хранившийся в ее памяти лик энергичной и сильной девушки, которая едва ли не на каждом повороте храбро бросала вызов жизни. Но как бы ни хотелось Оливии цепляться за былые образы своей давней подруги, которыми она так дорожила, и игнорировать разрушительные признаки губящего ее рака, она сознавала, что, бросив подругу сейчас, она понесет такое раскаяние, которое окажется уже не под силу ее старым плечам.

Прикрыв глаза, Оливия на некоторое время застыла у постели, пока не ощутила рядом на койке слабое шевеление. Подняв веки, она увидела, как на нее глядят не мигая слезящиеся, бледно-голубые глаза.

– Вы приехали. – Голос женщины прозвучал слабо, выдавая напряженное усилие.

Оливия улыбнулась, отказываясь уступать глубокой печали:

– Разумеется.

– А моя девочка тоже здесь?

– Да. Она меня и привезла. С моим зрением мне дальше нашего городка не выехать.

– Как моя дочурка? – спросила та, словно не слыша ее слов.

– Из нее выросла прекрасная женщина.

– Хорошо. – В палате повисло долгое молчание, прерываемое лишь тихим попискиванием монитора. – Спасибо, что заботитесь о ней.

– Ты для меня сделала ведь то же самое, разве не так? Ты позаботилась о моей внучке, когда ей это было так необходимо.

– Как она?

– Недавно произвела на свет второго ребенка.

Оливии вспомнился тот далекий акт безоглядной храбрости, что накрепко связал их полвека назад. Друг для друга они рисковали собой и всей своей жизнью и так много хранили общих секретов.

Редкие брови лежащей на койке женщины сдвинулись, словно бы насупясь.

– Только не уносите свою тайну в могилу, госпожа Оливия. Мы с вами обе знаем, это привяжет вашу душу к земле.

За долгие годы Оливия запрягала в себе столько тайн, что все они давно переплелись воедино. И теперь ей казалось, что стоит потянуть за что-то одно – и наружу вывалится все разом. Признание, возможно, и облегчит ей душу, но, по мнению Оливии, от него будет мало пользы. Ее сокровенный секрет служил определенной цели, и коли уж сохранность этой тайны означала, что ее душа будет навеки привязана к земле, то, значит, так тому и быть.

Глава 1

Сэйди

Вторник, 15 марта 1943 г.

г. Блюстоун, штат Вирджиния Отроги Голубого хребта

Чтобы как следует прятаться, есть три хитрости. Первое: важно дышать как можно легче. Если делать это правильно, то ноздри подрагивают еле-еле и вдох делается мелким, как река Джеймс знойным, засушливым летом. Следующее: толковый кролик сумеет унять свое бешено колотящееся сердечко и не позволит ему гулко барабанить в ребра. У звуков есть неприятная способность отдаваться эхом за пределами тела. А третья хитрость – хоть и далеко не последняя – это держать свой взгляд опущенным. Ни в коем случае нельзя глядеть на того, кто за тобою рыскает. Лиса, возможно, и не увидит кролика – но непременно почувствует его взгляд. Это все равно как похлопать своего преследователя по плечу.

Сэйди Томпсон притаилась, скрючившись за густым переплетением лиан жимолости, что обвивала толстый пенёк упавшего дуба. Сердце у нее отчаянно билось, с такой силой колотя в грудную клетку, что девушке никак не удавалось отдышаться. Она сейчас совсем была не в форме, и небольшая, всего в милю, пробежка по лесу от брошенного на дороге старого грузовичка неожиданно отняла у Сэйди чуть ли не все силы. Год назад она бы пролетела эту милю, точно лань, – вдвое быстрее и даже не вспотев.

На горы Голубого хребта опустилась ночная тьма, отбрасывая на землю чернильно-черный мрак. Если какой-то слабый лунный свет и просачивался сквозь тяжелые дождевые тучи, он полностью терялся в плотном сплетении древесных крон.

Невдалеке проухала сова. Олень, встревоженный нежеланным появлением человека, бросился бежать в глубину леса.

Почти полное отсутствие видимости вполне устраивало Сэйди. Она привыкла ходить здесь в ночное время и была хорошо знакома со всеми горами и впадинами округа Нельсон. Отец научил Сэйди и ее старших братьев пробираться узкими лесными дорогами, где едва могла протиснуться машина. Может, это было и нелегко, но для тайных самогонщиков, что сильно не в ладах с законом, это были наилучшие маршруты. Папа заставлял их запоминать каждый изгиб, каждую ухабину потайной дороги, ходить старыми индейскими тропами, там и сям пересекавшими склоны гор. Он же показал им и тихие, уединенные пещеры, наиболее подходящие для перегона браги. Сэйди и ее домашние знали все пути и выходы в этой части штата Вирджиния, и здесь они могли бы скрываться вечно. Если бы им это, конечно же, понадобилось.

Сэйди прижалась лицом к прошлогодним прелым листьям и воспользовалась моментом затишья, чтобы перевести дух и унять в себе панику, заставившую ее ринуться бежать в глухую ночь.

Где-то рядом лениво стрекотали сверчки, через руку переползал паук, но Сэйди ни на миг не отвлекалась на эти мелочи. Перед ней сейчас стояла куда как большая проблема.

С час назад к дому, где жили Сэйди с матерью, подъехал шериф Курт Бойд, скорее всего, намеревавшийся арестовать девушку за покушение на убийство – а может быть, даже и за убийство, если тот тип так и не оклемался. Сэйди ни капли не раскаивалась в том, что сделала, – хотя сейчас уже жалела, что не свершила свою месть как-то поумнее и понаходчивее.

Она сбежала из родного дома, не имея времени даже собрать сумку или поцеловать свое спящее в колыбельке дитя. Тихонько добежав до грузовика, она воткнула нейтральную пере-

дачу и бесшумно скатилась со склона холма. Лишь оказавшись внизу, Сэйди завела двигатель. Но шериф, судя по всему, услышал рычание проснувшегося мотора и устремился за ней. Сэйди уехала так далеко, насколько позволил радиатор ее старенького грузовика, пока наконец он не вскипел, не оставив ей ни малейшей возможности по-быстрому все починить.

Едва послышался приближающийся рев мотора «Доджа» шерифа, Сэйди, энергично размахивая руками, устремилась в заросли кустарника, чувствуя, как грубые рабочие ботинки натирают ее опухшие ноги. У нее была мысль перейти склон старой индейской тропой – однако Бойд уже знаком был с этим фокусом и мог запросто объехать гору кругом и встретить девушку с другой стороны. Так что у Сэйди не оставалось иного выбора, кроме как хорошенько затаиться и ждать.

Она подождет, пока Бойд уедет, а потом, быть может, обходными путями вернется к своему грузовичку посмотреть, достаточно ли остыл мотор, чтобы запуститься снова. В планах у нее было добраться до Шарлоттсвилля, там сесть на поезд и уехать как можно дальше от Блюстоуна.

Лежа на земле за кустами, она различила далекий рокот двигателя и вскоре уже узнала по звуку знакомый «Додж», что медленно приближался к ней по ночной дороге. Сэйди чувствовала, что шериф уже близко. Возможно, Бойд был и не самым умным человеком, но он не хуже ее знал и индейские тропы, и бывшие дорожки горняков, и укромные места, где можно спрятаться.

Пару секунд спустя на дороге засветились фары. Сэйди еще глубже вжалась животом во влажную землю, и ее нежная грудь, еще полная молока, туго уперлась в самодельную рубаху. К счастью, Сэйди была очень любопытной и вовремя украдкой выглянула из укрытия: она увидела, как упитанная фигура шерифа скользнула перед горящими фарами.

Он остановился, широко расставив ноги и держа свою мясистую правую ладонь на ремне. Сэйди не видела его лица, но догадывалась, что Бойд сердито хмурится. Шериф всегда считал, что мыслящему человеку ни к чему улыбаться или много говорить. И для него это было очень даже кстати, поскольку когда он открывал рот, то ничего стоящего сказать не мог.

Темную глубину леса прорезал луч фонарика, пройдя всего в паре футов над Сэйди.

«Тупой, как ящик булыжников», – смешливо отзывался о шерифе ее брат Джонни. А другой брат, Дэнни, ухмылялся: «Да я его в свой самый неудачный день легко вокруг пальца обведу».

При воспоминании о Джонни с Дэнни у Сэйди защемило горло от глубокой тоски, которая, казалось, теперь будет точить ее беспрестанно. Господи, как же она по ним обоим соскучилась!

«Не думай обо мне, – зазвучал в ее сознании голос Джонни. – Лучше остерегайся шерифа». «Это точно, – поддакнул ему Дэнни. – Может, он и тупой, но подлый и гнусный. А даже сломанные часы дважды в день показывают верное время».

Совет был очень здравым. И своевременным. О братьях и о дочери она будет тревожиться потом, когда сама окажется в безопасности. А теперь ей требовалось сосредоточиться на шерифе.

Недостаток ума этот представитель закона с успехом восполнял исключительными навыками выслеживания. Этот человек был просто прирожденной ищейкой. Когда из какой-нибудь тюрьмы в радиусе двадцати пяти миль сбежал заключенный, власти штата призывали на помощь именно Бойда. Даже фермеры к нему обращались, когда какой-нибудь койот резал их домашний скот. А в пору выборов шериф, как правило, вынохивал в округе массу нелегальных самогонных аппаратов, дабы ублажить местных святош.

Отец Сэйди никогда не принимал на личный счет, когда Бойд являлся к нему за самогонным аппаратом. Шериф по долгу службы должен был их искать и изымать, а заботой отца было их как следует прятать. Всем им надо было как-то выживать. Однако, по мнению Сэйди,

в Бойде сидела этакая мелочная гадливая жилка. Когда найденных им арестантов водворяли обратно в камеру, говорят, под глазом у них темнел фонарь, а то и под обоими. В спасенном от койота стаде вечно недосчитывались хоть одной коровы. А когда он молотил тяжелой битой по самогонному аппарату, то насвистывал веселую мелодию.

Ботинки Бойда прошуршали по мягкой земле и листьям в каких-то двадцати шагах от девушки.

– Сэйди! Я знаю, детка, что ты где-то там. Братцы твои тоже всегда там прятались. Давай-ка выходи, облегчи себе участь. Я ничего тебе не сделаю.

Когда Сэйди была маленькой, они с братьями часто играли здесь, в ложбине, в «кролика и лис». Она неизменно была «кроликом», потому что была среди них самой маленькой – но еще и потому, что, как никто, умела забираться в самые укромные, неприметные места и подолгу сидеть там тихо и неподвижно, слыша, как смех братьев постепенно сменяется разочарованием и досадой, когда «лисам» в очередной раз не удалось найти этого мелкого «крольчонка».

Закрыв глаза, Сэйди велела своему организму замедлить в себе жизнь. Она еще сильнее прижалась лицом к земле.

«Я всего лишь листок на упавшей ветке», – подумала девушка.

Ей так и хотелось сказать ему: «Здесь нет ничего интересного. Топай дальше, шериф Бойд».

Ботинки шерифа зашуршали уже ближе к тому месту, где пряталась Сэйди. Его тяжелое дыхание сразу давало понять, что он тоже бегать давно отвык. Он был на добрых шесть дюймов выше ее, однако комплекция его явно не подходила для бега, особенно по лесным зарослям.

Сэйди с братьями облазили все эти горы и с легкостью бродили по ним, как чероки или ирокезы, как индейцы племени сиу, как явившиеся им на смену немецкие или шотландские поселенцы. То она носила по здешним тропам домой воду, то мешки с кукурузой и сахаром, то перла на себе тяжеленные коробки со стеклянными завинчивающимися банками с самогоном. Даже ребенком она могла меньше чем за пять минут подняться к дому с двумя ведрами воды из ручья, не пролив ни капли. В округе не было девушки сильнее Сэйди. Хотя и никто, впрочем, не назвал бы ее и красавицей.

– Ну же, Сэйди, выходи, – снова позвал шериф Бойд. – Тебе никто ничего не сделает.

Голос шерифа сдобрен был даже, пожалуй, излишней слащавостью – однако ничего сладкого в его лживых обещаниях не было. Если он Сэйди найдет, то сразу же наденет на нее наручники – как грозился ей уже десяток раз. И теперь Бойд обязательно отвезет ее в Линчбург и убедится, что доктор Картер сделает все, чтобы больше у нее детей никогда не было.

Плотно закрыв глаза, она представила свою крохотную дочурку, мирно спящую в колыбели. Усилием воли Сэйди отбросила слезы и тоску. Дочь она оставляла не потому, что ей этого захотелось. Просто жизнь Сэйди сейчас описывала очень нелегкий поворот, напрочь лишая ее всякого выбора. Утешала ее разве что мысль, что с малышкой все будет хорошо – а может, даже еще и лучше – под заботливым крылом бабушки.

Под большими подошвами шерифа хрустнули сухие ветки, и дыхание у него сделалось тише. Куст возле Сэйди шевельнулся, прутья закачались. Она даже представила, как большие и сильные руки Бойда просовываются сквозь густые стебли и хватают ее за шиворот.

«Я маленькая мошка. Мелкая букашка на стволе. Слишком маленькая, чтобы такую заметить».

– Разве не достаточно уже огорчений твоей матушке? Или у нее на плечах мало забот о твоих братьях, да еще и о внебрачном ребенке, которого она, хочешь не хочешь, станет растить?

Под зажмуренными веками у нее собрались жгучие слезы. Может, она и худшая из дочерей, что когда-либо мечтает обрести любая мать, – но она, черт подери, не позволит какому-

то тупому захолустному шерифу использовать ее же собственные слабости, чтобы выманить ее из кустов, точно испуганную перепелку.

– Жалкая ты, ничтожная деваха! – Шериф Бойд подкрепил свои слова тяжелым вздохом. – Одни от тебя неприятности.

Когда же его попытки пристыдить Сэйди не сработали, он решил «переключить передачу»:

– Тебе же самой будет намного лучше, если позволишь мне тебе помочь. Я поговорю с судьей, попрошу его, чтобы обошелся с тобой помягче. Мы же оба с тобой знаем, что ты не хотела задавить того человека своим грузовиком. Это был просто несчастный случай – в чистом виде.

Слова шерифа едва не подорвали в ней решимость. В горле застряло рыдание, глаза еще больше наполнились слезами. Сэйди сжала губы. Бог видит, это было вовсе не случайно. И будь у нее такая возможность, она бы сделала это еще раз.

Чувствуя, как медленно ползет время, Сэйди прислушивалась к звуку его дыхания. Бойд придвинулся к ней еще на шаг ближе, и девушка уже чувствовала въедливый запах его дешевого лосьона после бритья.

Сэйди хранила неподвижность, изо всех сил стараясь не думать о шерифе. Сегодня Бойд ни за что не отыщет маленького кролика.

– Черт бы тебя побрал, Сэйди! Я все равно тебя найду. – Шериф пробормотал себе под нос цепочку ругательств, завершив ее громкой тирадой насчет того, что она будет гореть в аду. – И я уж прослежу, чтобы судья надолго запер за решетку твою тощую задницу!

Вновь зашуршали под ботинками листья: шериф Бойд, повернувшись, направился обратно к дороге и к светящемуся ореолу горящих фар.

Послышалось, как сердито захлопнулась дверца, как заклохтал, точно прокашливающийся старик, двигатель, включенный на первую передачу. Сцепление у «Доджа» уже явно приходило в негодность. Сэйди не раз говорила шерифу, что муфта там порядком износилась, однако, как и все у них в долине, Бойд не принимал ее слова всерьез. Наконец донеслось шуршание резиновых покрышек до дороге, мотор переключился на вторую передачу, и «Додж», старчески ворча, уехал в ночь.

Как ни хотелось Сэйди пошевелиться и размять тело, она продолжала лежать, прижавшись к земле. Оказавшаяся подоткнутой под туловищем правая рука затекла, и теперь ее словно кололи тысячи иголок. Впрочем, уже не первый раз ей так покалывало конечность, и уж точно ей доводилось испытывать и куда больший дискомфорт.

Проухала сова, охотясь за своим крольчонком, который успел шмыгнуть в полое бревно совсем рядом с Сэйди. Она с грустной иронией улыбнулась.

Она знала, что шериф Бойд – хитрый сукин сын и с него вполне станется немного отъехать и вернуться сюда пешком.

Когда Сэйди решила-таки поднять голову, высоко в ночном небе уже светила луна. Тучи разошлись, обнажив бесчисленную россыпь восхитительных звезд. Девушка вскинула голову, найдя Полярную звезду, и наконец поднялась на колени. Замерла ненадолго, пытаясь слышать возможное приближение Бойда, после чего принялась отряхивать джинсовый полукombineзон и старую хлопчатую рубашку брата. Это была его любимая рабочая рубашка, и в другой ситуации брат бы сильно разозлился – однако сейчас он сражался на войне далеко за океаном, и Сэйди догадывалась, что это было бы наименьшим из его беспокойств.

Не торопясь она вылезла из кустов и подошла к дороге. Если свернуть налево, то она пойдет на запад, обратно в горы. Там было множество мест, где можно надежно спрятаться. И все же вечно скрываться там от Бойда означало, что столь любимые ею леса неминуемо превратятся для нее в подобие тюрьмы.

В двадцати милях к югу находились Шарлоттсвилль и ближайший железнодорожный вокзал.

Сэйди пошарила пальцами по большим карманам и нащупала деньги, что дала ей мать. Эти три доллара были маминой записочкой, отложенной на чрезвычайные расходы, и осознание этого тяжело сдавило ей душу. Но Сэйди так сейчас необходимы были эти деньги!

– Я обязательно верну их тебе, мама! – шепнула она.

Сэйди двинулась по дороге, время от времени останавливаясь и прислушиваясь, не едет ли «Додж». Однако вокруг слышалось лишь монотонное стрекотание сверчков, к которому присоединялись приглушенные шаги ее собственных ботинок по грунтовке, когда она вновь продолжала путь.

– Боже правый, Джонни и Дэнни! Вот же вляпалась!

«Да уж, по части „вляпаться“ у тебя всегда был редкостный талант», – зазвучали у нее в голове насмешливые голоса братьев.

До недавнего времени письма от Джонни приходили довольно регулярно. А вот Дэнни, отправившись в армию, прислал лишь пару-тройку писем. Сэйди очень боялась, что война успела забрать навеки их обоих.

Пока она шла по дороге, груди снова начали болеть, из сосков засочилось молоко. Ее малышка, наверное, уже всюю ищет грудь. Дома Сэйди оставила сцеженное молоко и кукурузный сироп «Каро». Мать разберется, как употребить то и другое, и проследит, чтобы дитя не осталось голодным. Мама ни за что ее не подведет, пусть даже Сэйди и опозорила ее своим безрассудством.

На горизонте показались первые лучики рассвета, подкрашивая верхушки гор в ярко-оранжевые и желтые тона. Но, как бы прекрасно ни смотрелся восход, сейчас солнце работало против нее.

Когда Сэйди обогнула знакомый изгиб дороги, впереди засветились фары. Ровное урчание двигателя звучало совсем не так, как у шерифова «Доджа», но, зная Бойда, Сэйди не удивилась бы, если бы тот призвал кого-нибудь с машиной, чтобы съездить и ее поймать.

Не имея иного выбора, Сэйди торопливо нырнула в придорожные кусты. Густой запах жимолости окутал девушку, вселяя в нее надежду. Ей придется найти для себя в жизни новый путь. Отыскать новую надежную тропу.

Машина замедлила ход, переключилась на пониженную передачу и наконец остановилась. На сей раз Сэйди оказалась не столь проворной. Водитель явно успел ее заметить.

Глава 2

Либби

Суббота, 6 июня 2020 г.

г. Блюстоун, штат Вирджиния

Говорят, лиха беда не приходит одна. Это, конечно, так – но сказано не совсем точно. Несчастья на самом деле являются и по двое, и по трое, и впятером – и в каком угодно количестве сразу.

Сегодня первый росчерк невезения Либби МакКензи ощутила с суровым толчком в плечо и криком в самое ухо:

– Подъем!!!

Безжалостно вырванная из сна, Либби мгновенно села на диване и, скидывая ноги, задела на кофейном столике пустой бокал. Голова сразу закружилась, а желудок скрутило.

– Что случилось? – откинула она с лица прядь темных волос.

– Либби, сейчас же вставай! Тебе через час уже надо быть на месте свадьбы!

Крики исходили от ее близкой подруги Сьерры Манкузо. Со Сьеррой они вместе, считай, выросли – их семьи жили по соседству, – и пока Либби в тринадцатилетнем возрасте не отправили в частный пансион, девочки были поистине неразлучны.

Язык и небо у Либби сделались сухими, как бумага.

– А что же мои будильники? Я их даже два себе поставила!

– Это те, что я только что вырубил? – возмущенно зыркнула на нее Сьерра.

Светлые крашенные волосы у нее были гладко зачесаны назад и убраны в аккуратную кичку. Черные блузка с брюками и удобные практичные туфли красноречиво свидетельствовали о том, что Сьерра нынче работала на кейтеринге.

Им обеим было по тридцать одному году, и вместе они пережили по несколько радикально меняющих жизнь потерь. Главным несчастьем в жизни Сьерры явилась смерть мужа от рака в прошлом году. А для Либби мощным боксерским кроссом справа, напрочь выбившим ее из колеи, были три подряд выкидыша и развод. И теперь обе побитые судьбой подруги детства вернулись в родной город Блюстоун, в родительский дом, дабы зализать раны и переждать, пока оседет пыль минувших передраг.

Либби глянула на свой мобильник, потом на пурпурные наручные часы, что были у нее с седьмого класса. Красные циферки на их электронном табло показывали 8:02 утра.

– Ч-черт!

– Я уже запустила кофеварку. Пошла делать яичницу. Давай-ка шевелись!

– Уже.

Вскочив на ноги, Либби метнулась по лестнице на второй этаж, к маленькой ванной. Скинув большеватую для ее размеров футболку, она открыла кран и подождала, пока забулькают старые трубы и вода польется достаточно горячая.

Отец Либби – доктор Аллен МакКензи – тридцать с лишним лет был бессменным педиатром их маленького городка. Он не отказывал в помощи ни одному пациенту, даже когда сам был уже болен и слаб – пока окончательно не слег в больницу. Умер он шесть месяцев назад.

Отбросив все былые обещания никогда больше не вернуться в родной город, Либби приехала к давно овдовевшему отцу, чтобы заботиться о нем до последнего часа. А когда его не стало – она просто решила пока остаться здесь. Это было намного экономнее, нежели проживать на съемной квартире в Ричмонде. После развода она мало что могла себе позволить на

доходы частного фотографа. С января Либби предполагала как-то внутренне перегруппироваться, накопить немного денег и к Рождеству уже вернуться к настоящей жизни в нормальном большом городе. Однако минуло уже шесть месяцев этой «перегруппировки», а она так до сих пор и не оправилась.

От воды наконец пошел пар, и Либби торопливо забралась под горячий душ. Бушующий по жилам адреналин заставил ее выйти оттуда уже через пять минут. Вытеревшись на ходу полотенцем, Либби забежала в свою старую спальню.

Комната ее пребывала в точности такой, какой она ее оставила тринадцать лет назад, когда уехала учиться в колледж. На стене висели все те же постеры «Спасем планету!» рядом с распечаткой черно-белой фотографии Ансея Адамса с горным пейзажем Монтаны. Она так до сих пор ни разу по возвращении и не укладывалась на своей двуспальной кровати, застеленной фиолетовым в цветочек покрывалом, которую купили в «ИКЕА», когда Либби было шестнадцать. Одно дело было временно перебраться жить в родительский дом, а снова спать в своей первой «взрослой» постели казалось Либби уже совсем иной степенью плачевности ее нынешнего положения. Не менее странно было бы для нее обосноваться в родительской спальне или в третьей комнате, что служила отцу кабинетом. На верхнем этаже вообще хранилось слишком много воспоминаний о беспокойном браке ее родителей. Так что для ночлега Либби оставался только диван в гостиной.

Из открытого чемодана, лежащего на аккуратно застеленной кровати, Либби достала пару темных слаксов и белую свободную блузу. Из бокового кармашка чемодана выудила расческу и на скорую руку собрала волосы в простой гладкий хвост. Следующей она извлекла из чемодана косметичку и быстро подкрасилась тушью и румянами. Сложила все это обратно в чемодан, потом подтерла на столешнице в ванной воду и повесила полотенце. К 8:12 все уже выглядело так, будто ее здесь и не было. Идеальный порядок.

Босиком Либби сбежала по лестнице на первый этаж, схватила сумку с фотокамерой, торопливо сунула ноги в кроссовки и опрометью перебежала через лужайку на заднем дворе к дому Манкузо. Толкнула дверь в кухню Сьерры.

– Ты, гляжу, даже уже пользуешься домом? – съязвила та.

Либби опустила на стул и зашнуровала как следует кроссовки.

– Просто приняла душ.

Сьерра поставила перед Либби чашку кофе. Затем выложила ей на голубую тарелку яичницу и вместе с вилкой подала на стол. Кроме яичницы, на тарелке была клубника, нарезанная тонкими ломтиками и разложенная веером.

Либби положила в рот кусок яичницы, ощущая, сколь необходимым для нее оказался этот небольшой вброс белка.

– Благослови тебя господь...

Сьерра наполнила себе большую оранжевую кружку с логотипом Политехнического университета Вирджинии.

– Ты там обитаешь, точно призрак. Постоянно появляешься – но не оставляешь за собой следов.

– Просто там я чувствую себя не в своей тарелке, – отозвалась Либби. – Я уже столько лет не жила там.

– Но теперь-то ты там живешь.

Либби отхлебнула горячего кофе, наслаждаясь этим глотком живительной энергии.

– Не совсем. Я тут лишь временно, в гостях.

Когда отец в прошлом году заболел, он всерьез озаботился тем, чтобы расчистить дом, разобрать и выбросить весь хлам, накопившийся в течение жизни. Стены изнутри были перекрашены в бледно-серый цвет с ярко-белой отделкой. Он не стал замахиваться на какие-то

более серьезные проекты – вроде ремонта кухни или ванных комнат, – без сомнения, считая, что новый владелец переделает все это под себя.

Отец оставил ей этакую оголенную, освобожденную от всего лишнего, версию жилища, что хоть сейчас могло быть выставлено на рынке недвижимости. Он хотел, чтобы Либби продала дом, забрала деньги и нашла себе какое-то новое место для дальнейшей жизни. Либби обещала, что подумает об этом, чем она, собственно, и занималась до сих пор.

– Боишься пустить корни, – укоризненно покачала головой Сьерра.

– Я уже пыталась пустить, помнишь? Как-то не глубоко они у меня уходят.

– Могли бы, если бы ты не слишком с ними нянчилась.

Либби изогнула бровь дугой:

– Ты сама приткнулась у родителей в каморке над гаражом, Сьерра. Непохоже, чтобы ты тут более прочно обосновалась.

– Но я, по крайней мере, там *живу*. И я хотя бы распаковала чемоданы, – добавила она с усмешкой.

– А я предпочитаю не привязываться к месту и оставлять пространство для маневра.

Услышав звук входящего сообщения, Либби выудила из сумки мобильник. Эсэмэска была от невесты, чья свадьба планировалась на сегодня.

Невеста Джинджер: *На горизонте дождевые тучи. Пришли мне лучик оптимизма.*

Либби: *Уже еду.*

Невеста Джинджер: *Мама тревожится. Я ей говорю, что все будет отлично.*

Либби: *На всякий случай есть зонты. Увидимся через полчаса.*

Из шкафчика, где у миссис Манкузо всегда хранился сладкий запас, Либби вытянула батончик с мюсли.

– А ты, Сьерра, почему еще здесь? Разве тебе не пора уже быть на месте – расставлять для фуршета столики, обжаривать котлетки из лосося?

– Рик меня поставил нынче в команду по уборке, а не подготовки, – скорчила она кислую мину. – А можно, я с тобой поеду?

– Ну, тогда погнали.

– Фотоснаряжение свое взяла?

– Все в сумке.

В Либби где-то с шестого класса сидела одержимость неудачными сценариями развития событий. Возможно, это было связано с ухудшением душевного здоровья матери и, в итоге, ее самоубийством, отчего и сама Либби стала немного психически нездоровой. Так или иначе, но ей нравилось составлять в уме целые списки возможных бед и катастроф. Какое бы ни намечалось у нее важное событие, Либби мысленно составляла перечень всего, что ей могло бы помешать. Впоследствии, уже учась в колледже, она не могла лечь спать, не сделав все домашние задания, не заправив кофеварку, не приготовив на завтра одежду. Мать, помнится, в шутку называла ее перестраховщицей, что порой заходило в Либби даже слишком далеко. Так вот, на пару они – и мать, и дочь – подробно расписывали для себя возможные мелкие неприятности, в то время как над ними зловеще кружили куда более крупные беды.

К счастью, на сегодня в мысленном списке у Либби не значилось ничего катастрофического. «*Просплю будильник, поднимется ураганный ветер с ливнем*». Еще там значилось: «*Вильню с дороги, объезжая оленя. Размоет дороги (по причине ливня) и закончится бензин*».

– Вроде успеваем вовремя, – сказала Сьерра, кинув подруге еще один батончик с мюсли. – Но лучше уже выдвигаться.

Либби подхватила сумку с фотокамерой и свою дамскую сумочку и поспешила к машине. Сложив вещи на заднее сиденье, скользнула за руль. Как только Либби завела двигатель,

Сьерра села с ней рядом на пассажирское место и пристегнула ремень. Либби тоже пристегнулась и убедилась, что бак полный.

Сдавая назад по подъездной дорожке, Либби глянула на дом:

– Кофеварка выключена?

Сьера глотнула взятый в дорогу кофе.

– Так точно. А еще вымыта и вытряхнута.

– Умница. Не хотелось бы, чтобы у твоей мамы сгорел дом.

Сьерра опустила козырек с зеркальцем и, поднеся пальцы к губам, убедилась, что губы и ногти накрашены в тон.

– Можешь исключить из своего списка «Сгорит дом».

Уголки губ Либби тронула улыбка. Машина уже ехала по окаймленной деревьями дороге к Главной улице, которая, собственно, была единственной транспортной артерией в их городке.

Блюстоун с численностью населения в две тысячи человек примостился в небольшой долине у подножия гор Голубого хребта. Немецкие, английские и шотландские поселенцы обосновались в этих землях на границе Вирджинии еще в середине восемнадцатого века, и на протяжении поколения разбросанные вокруг Блюстоуна фермы соединялись со всем прочим миром лишь большим гужевым трактом Грейт-Вэгон-роуд. Железная дорога так никогда до Блюстоуна и не дошла, однако в конце концов достаточно близко к городу подобралась соединяющая штаты федеральная автомагистраль. В последнее десятилетие создание множества частных виноделен и сидроварен привлекло сюда немало бумеров и миллениалов в поисках более тихого и размеренного образа жизни.

– Не терпится увидеть поместье Вудмонт, – сказала Сьерра. – Не получилось побывать там две недели назад на пробном прогоне.

– Там немалую работу проделали по восстановлению садов, – заметила Либби. Она проехала через центр города, послушно выдерживая скоростные ограничения, и вдавила педаль газа, лишь когда миновала знак «45 миль в час».

Практически закрытое для публичных посещений с самой своей постройки в восемнадцатом веке поместье Вудмонт располагалось на двухстах акрах территории, раскинувшейся вдоль реки Джеймс. Пожалованный землей от короля Георга II, Эзра Картер построил там двухэтажный дом из кирпича ручной формовки. Поначалу на ферме у него выращивался табак, но потом его сменила пшеница, поскольку в пору Семилетней войны цены на пшеницу сильно выросли. Рыночное чутье и предприимчивость Эзры Картера сделали его род на много поколений одним из богатейших в штате Вирджиния. Нынешний его потомок, госпожа Элайна Грант, взялась за масштабное обновление всего имения, однако ходили слухи, будто финансовые возможности семейства изрядно сократились.

Когда Либби была еще ребенком, поместье открывалось раз в году в связи с Неделей старинных садов, и несколько лет подряд они с матерью в этот день посещали Вудмонт. Даже в те годы тамошние сады, обнесенные высокой каменной стеной, являли признаки сильного старения. Многие растения, хоть и по-прежнему довольно симпатичные, все же заметно переросли и нуждались в обрезке и в прорежении. Всем этим цветникам, как говорила ее мать, требовалась тщательная ревизия и пересадка. Либби же в отличие от нее никогда не считала недостатком все более завладевающую ими одичалость. Для нее эти цветочные сады являлись редким, почти волшебным убежищем, так ненадолго объединявшим ее с матерью.

До сегодняшнего дня в Вудмонте ни разу не устраивались свадьбы или другие публичные мероприятия. Нынешняя невеста – Джинджер Риз – выросла в этом поместье. Все детство она играла на территории, за которой ухаживали ее родители. Отец ее был управляющим поместья, а мать, Маргарет, приглядывала за домом изнутри. В настоящее время имением управлял брат Джинджер, Коултон, заняв место их покойного отца, а мать по-прежнему вела хозяйство в доме.

Намеченная на сегодня свадьба была своего рода пробным запуском для поместья Вудмонт. Джинджер вышла на Либби через ее сайт свадебного фотографа, решив нанять ее потому, что Либби была местной и неплохо знала площадку для будущего торжества. Джинджер работала акушером-гинекологом в Шарлоттсвилле, а ее жених, Кэмерон Уолкер, был хирургом в медицинском центре при Вирджинском университете.

В отдалении прокатился гром.

– Надеюсь, Джинджер сообразила арендовать белый шатер? – спросила Сьерра.

– Нет. Она сказала, что шатер будет искушать закон притяжения и непременно привлечет дождь.

– Шутишь? – Сьерра недоумевающе покачала головой. – Если этот закон притяжения так работает, то я с ним точно не в ладах. Ни разу не заявляла о той жизни, что сейчас мне выпала.

Либби оставалось лишь усмехнуться на саркастическое замечание Сьерры, сильно приправленное горечью. Она тоже никак предвидеть не могла ни своих нерожденных детей, ни документов о разводе, ни отцовских похорон. И все же это сваливалось на нее одно за другим, как будто стремясь ее убедить, что черные полосы жизни существуют по каким-то собственным, лишенным логики правилам.

Над горами между тем набрякли тяжелые тучи.

– Что же, у нее весьма позитивное мышление, – молвила Либби.

– На вчерашний день вероятность ливня составляла процентов двадцать. – Сьерра поглядела в свой телефон, и брови у нее поползли вверх: – А сегодня – пятьдесят.

– Предлагаешь поспорить?

Но Сьерра лишь мотнула головой.

Свернув на второстепенную дорогу, Либби проехала мимо широко раскинувшегося виноградника, разбитого лет тридцать назад неким новым собственником из Нью-Йорка, которого никто из местных жителей еще в глаза не видел. За виноградной плантацией тянулась длинная ограда, далее простирались зеленые холмы, усеянные пасущимися коровами.

Приезжие из других городов, полагавшиеся на GPS, частенько испытывали трудности с поиском поместья Вудмонт. Две недели назад, приехав сюда на прогон, Либби на несколько миль промахнулась с нужным поворотом. Ей понадобилось лишних минут десять, чтобы найти верный курс и наконец увидеть приметную пару одинаковых кирпичных столбов на въезде в поместье в окружении пышно цветущих, желто-фиолетовых анютиных глазок.

На сей раз, уже уверенно зная дорогу, Либби вовремя заметила ведущий к имению поворот и покатила по длинной гравийной дороге, окаймленной белыми дубами, возраст которых восходил аж к войне 1812 года. Как объясняла ей мать, деревья эти были посажены с особым умыслом: дубы потребляют достаточно много влаги, чтобы даже в самую дождливую пору дороге все равно не заливало бы водой.

Впереди, в конце дороги, Либби увидела кирпичный дом с пышными цветниками с востока и запада. Многие апрельские и майские цветы уже отошли, однако подсолнухи, львиный зев и циннии вовсю красовались на клумбах, распустившись пышными, яркими разноцветными сполохами.

Следуя парковочным указателям, Либби подъехала к широкой, коротко постриженной лужайке. Там уже стояли два фургона кейтеринговой фирмы, «Вольво» Джинджер и красный пикап. Облачение невесты должно было происходить в главном особняке. Сорокаоднолетняя новобрачная решила обойтись без подружек невесты, так что утренняя съемка обещала пройти без сучка без задоринки.

Выйдя из машины, Либби потянулась к заднему сиденью за фотокамерами. Когда она закрыла дверцу, поднялся ветер, мягким шелестом пройдясь по ближним деревьям. Глянув в сторону реки, Либби увидела над горизонтом темно-серую полосу ливневых туч.

– Ты сейчас в дом? – осведомилась Либби.

– Да. Найдешь меня на кухне.

Либби повесила сумки на плечо и, помедлив чуточку, подумала, не прихватить ли из багажника на всякий случай зонты.

– Тогда увидимся.

– Слушай, а невеста с женихом не забыли закопать в саду бутылку с самогоном? – спросила Сьерра, быстро накинув через голову белый фартук и завязав на тонкой талии пояс.

– На прогоне об этом что-то говорили, но вроде бы жених об этом позабыл. А в чем тут фишка?

Сьерра возмущенно покачала головой.

– Да наши края – настоящее кладбище самогона! Это же такая добрая традиция! Если хочешь, чтобы в день свадьбы и потом все шло как надо, необходимо закопать в саду бутылку самогона.

Быть может, Либби и ее бывшему мужу Джереми следовало тоже в канун своего великого дня прикопать где-нибудь в саду бутылочку-другую?

– И что случится, если этого не сделать?

– Дождь, – кивнула в сторону облаков Сьерра. – Развод. Нашествие саранчи. Все девять ярдов самого что ни на есть черного невезения.

– Жуть.

Увидев кислую мину Либби, Сьерра весело махнула рукой.

– Так что к черту закон притяжения! И кому оно вообще нужно – это кладбище самогона? – улыбнулась она. – До ливня еще как минимум два часа. А значит, пока он разразится, все мы успеем спрятаться под крышу.

Решив оставить зонтики в багажнике, Либби поспешила к ступеням парадного крыльца, чтобы сделать первые снимки невесты. Вдалеке, как по сигналу, прокатился гулкий гром.

Глава 3

Либби

Суббота, 6 июня 2020 г.

Поместье Вудмонт

Утренняя предсвадебная фотосессия продлилась дольше, нежели ожидала Либби. («*В дополнение к наилучшему сценарию: бабушка жениха может хорошо „намимозиться“ коктейлем.*».)

До начала церемонии осталось пятнадцать минут, и почти все гости уже расселись по белым деревянным садовым стульям лицом к нисходящему к реке склону холма.

Когда в восемнадцатом веке построили дом, парадный вход в него был обращен к реке, ибо в те времена именно Джеймс являлся здесь такой «супермагистралью». Путники в большинстве своем приезжали и уезжали по реке. Та дорога, что ныне вела к поместью Вудмонт, во времена Эзры Картера была не более чем оленьей тропой. За два с лишним века транспортная система претерпела сильные изменения, однако дом так и остался привязан к своей исходной точке строительства.

Из установленных диджеем динамиков в исполнении струнного квартета лилась мелодия «*Are You Gonna Be My Girl*». К счастью, сам диджей и его музыкальный пульт были прозорливо размещены внутри дома.

За последние пару лет Либби уже привыкла к тем песням, что многие новобрачные обычно заказывают играть у себя на свадьбе, причем довольно скоро она заметила присущую этим песням похожесть. Большинство пар в свой знаменательный день стремятся отличиться от других – и при этом почти все попадают в предсказуемые рамки.

Она оглянулась через плечо на густые и пухлые тучи, неотвратно надвигающиеся на них. Квартет между тем заиграл тему из композиции инди-группы «*Jaws*»: «*Duunnn, duunnn*».

Все ж таки никакое позитивное мышление и никакой закопанный в саду самогон не способны были остановить этого дикого зверя, грозящего смять и сорвать церемонию свадьбы!

Со следующим раскатом грома Либби посмотрела на свой кроссовер вдалеке, загруженный зонтами. Взглянула на часы. Если сейчас помчится бегом, то успеет до него добраться и вернуться с зонтами даже с некоторым запасом времени. Она снова метнула взгляд на грозное небо. Решение было принято. Когда квартет заиграл следующую мелодию – «*Я буду всегда любить тебя*», Либби развернулась и пустилась бежать к машине, ощущая обволакивающий, душный воздух подступающей грозы.

Первая капля упала ей на макушку, когда Либби открыла дверцу багажника. Она быстро натянула на камеры чехлы и подхватила охапку зонтов. Пока ногой пыталась закрыть багажник, небо извергло новый раскат грома.

Нагруженная фотокамерами и зонтами, она потрусила обратно, видя, как гроза уже поливает противоположный берег реки. Либби бросилась со всех ног. Из-за густой влажности воздуха и жара от движения у нее между лопатками и над верхней губой потекли струйки пота.

Еще несколько капель упали на Либби, когда она уже всюду мчалась к месту церемонии, надеясь укрыть зонтами хотя бы невесту, ее мать и жениха.

Внезапно заиграл свадебный марш – церемонию решили начать на десять минут раньше, чем было запланировано. В большинстве случаев на свадьбах у Либби имелся под рукой второй фотограф, чтобы делать снимки в разных ракурсах. Однако Джинджер была уверена, что

Либби такой помощник не потребуется. И вот теперь Либби оказалась вообще не в состоянии заснять церемонию. Еще минута – и она рискует пропустить главный момент всего события!

Сзади с тихим рокотом к ней подъехал красный пикап и остановился.

– Забирайтесь, – велел водитель.

В мужчине она узнала управляющего поместьем Коултона Риза, брата невесты. Одет он был в темный костюм и белую парадную сорочку, однако галстука не имел. Темные его волосы были зачесаны за уши, привлекая внимание к лицу – не то чтобы красивому, но чем-то очень притягательному.

Две недели назад на прогоне Коултон был немногословен. Он внимательно выслушал соображения сестры по поводу устройства праздника и снисходительно согласился взять напрокат деревянные стулья. Еще он предложил на всякий случай арендовать шатер, однако Джинджер велела ему не заморачиваться этим вопросом.

– А вы почему не на церемонии? – спросила Либби.

– Я увидел, что вы куда-то сорвались бежать. А значит, либо вы удираете с корабля, либо спешите за поддержкой. И что это было?

– За поддержкой. – Либби закинула в кузов пикапа зонты и забралась в салон.

– Похоже, сейчас грянет.

– Да, похоже на то. – Низко нагнувшись своей крепкой подтянутой фигурой над рулем, Коултон взглянул на небо. – Гроза быстро пересекает реку.

– Церемонию начали раньше времени.

– Это Джинджер дала отмашку. Жаль, нет шатра или навеса.

– Гоните так, как будто вы его украли. Я уже должна быть там!

Усмехнувшись, Коултон вдавил педаль газа и помчался навстречу черным тучам. Ему было лет тридцать пять или чуть больше, и постоянно нахмуренный лоб, как подозревала Либби, придавал облику Коултона столь любимый дамами шарм brutality.

– А я ведь их еще утром предупредил, чтобы проводили церемонию в доме.

– Как раз ради ваших цветущих садов Джинджер и решила устроить все снаружи.

Крупные капли дождя начали шлепаться на лобовое стекло, расплющиваясь в этикие водяные блинчики.

– И каков наш план? – спросил Коултон.

– Вы раздаете зонты, а я шелкаю снимки. Первый вручите невесте, второй – матери невесты, – деловито проинструктировала его Либби. – Затем – обойдите всех, кто как-то похож на бабушек. Мужчинам – в последнюю очередь.

– Прямо как на «Титанике», – усмехнулся Коултон.

Он припарковался в двадцати шагах от места церемонии и торопливо обежал пикап. В этот момент небо разверзлось, и на поместье обрушился нешуточный ливень. Некоторые гости прикрыли головы программками, рассчитывая продержаться до окончания церемонии. Другие уже устремились к узкой террасе парадного крыльца, которая быстро заполнялась толпой.

Раскрыв зонт, Коултон быстро передал его Либби. Удерживая зонт одной рукой, Либби другой подняла фотокамеру и стала снимать, как мать невесты ведет новобрачную по проходу между гостями. Коултон вручил матери зонт, однако Джинджер, отказавшись укрыться, невозмутимо прошла под арку, где ее ждал жених. Оба они смеясь глядели, как гости срываются с мест и мчатся под сень парадного крыльца.

Оставив идею держать одновременно и камеру, и зонт, Либби отдала его некоему трусыщему позади нее гостю и быстро двинулась к невесте с женихом по центральному проходу мимо быстро пустеющих стульев.

Быстро сменяя камеры, она все ближе подходила к новобрачным. Священник начал зачитывать клятвы верности, причем с каждым раскатом грома его лицо делалось все бледнее. Невеста с женихом взялись за руки... И вот тут действительно полило как из ведра!

Наконец священник торопливо объявил их мужем и женой и тоже ринулся в сторону дома. Невеста с женихом повернулись, держась за руки, и побежали вдвоем по размокшему центральному проходу. Разбрызгивавшаяся под их ногами грязь попадала на платье невесты и смокинг жениха. Прическа и парадный макияж Джинджер были практически испорчены, наряд уже промок насквозь. Либби запечатлевала каждый их шаг, каждый плеск грязи из-под ног, сознавая, что урвала поистине золотые снимки. С камерами она сопровождала пару до особняка и вошла, непрерывно снимая, на парадное крыльцо под дружные приветственные возгласы гостей. Персонал из кейтеринга и Коултон поспешно раздали каждому по полотенцу, которые, могла поспорить Либби, он загодя предусмотрительно заказал.

Когда Либби оказалась наконец под крышей террасы, брюки и блузка у нее вымокли насквозь, в кроссовках хлюпала вода.

– Зато никто не заскучал, – молвила Сьерра, передавая ей полотенце и удерживая в равновесии поднос с «манжеттенами».

– Лучше бы они закопали самогон, – фыркнула Либби.

– Или взяли напрокат шатер. Коктейльчик?

– Не, спасибо. Я лучше воздержусь.

– Если что, ты знаешь, где меня найти. – Сьерра с подносом отошла, с улыбкой предлагая коктейль первому из промокших гостей.

Либби же прошла внутрь особняка, ненадолго задержавшись в вестибюле, чтобы сделать несколько снимков цветочной композиции в старинной фарфоровой вазе. В исходном виде дом был построен около 1735 года, а в 1750-е и 1790-е приобрел значительные дополнения. Просторные комнаты слева от Либби были со вкусом оформлены, будучи восстановлены в изначальном очаровании своего колониального стиля. Одна была выкрашена в насыщенный защитно-зеленый, другая – в темно-бордовый оттенок. Камин в каждой из них был отделан белым с прожилками мрамором, а стенки его были цвета индиго. И мрамор, и столь яркие краски в отделке являлись в те времена редкой роскошью и всем в этой Вирджинской колонии ясно давали понять, что Картеры и в самом деле процветают.

Привлеченная узорчатой лепниной под потолком, мраморными каминами и окнами с выдувными стеклами ручной работы, Либби сделала несколько снимков, зная, что делает это скорее для себя самой, нежели для невесты.

Свадебным фотографом Либби работала уже пять лет, и с каждым месяцем ее бизнес рос и расширялся. Она всегда питала страсть к фотографии и еще в детстве коллекционировала старинные фотоаппараты. Однако отец предупредил ее, что искусство никогда не платит по счетам, и в итоге убедил дочь поступить в колледж, готовящий медсестер. Ей пришлось тяжело и упорно там учиться, и наконец Либби окончила его с отличием и с дипломом медсестры онкологического профиля. К собственному ее удивлению (и к не меньшему удивлению отца), у нее обнаружился настоящий талант ухода за больными. Быстро пронеслись пара лет, и она встретила Джереми, влюбилась, вышла замуж. Жизнь шла своим чередом... пока вдруг не остановилась в мертвой точке.

С минуту понаблюдав за толпой гостей, что неспешно прогуливались по парадной части нижнего этажа дома, уставленной композициями с маргаритками и бархатцами, Либби свернула, чтобы сменить линзы, в маленькую боковую комнатку, где она загодя оставила кое-что из своего снаряжения.

Сьерра попятилась за ней туда же. Коктейлей на подносе у нее заметно поубавилось.

– Ты уже прониклась тем, что снимаешь первую свадьбу в поместье Вудмонт?

– Да, потрясающее место.

– Как думаешь, оно привлечет к себе желающих отпраздновать здесь свадьбу или еще какое важное событие?

– Однозначно. Это прекрасное имение, однако миссис Грант уже отклонила несколько подобных предложений. Хотя, случись им влиться в этот бизнес, они сорвут огромные деньги.

Многие гости разошлись по двум барным стойкам, установленным по бокам от фуршетного стола. Жених с невестой скрылись в одну из закрытых от публики комнат, дабы немного прийти в себя от суматохи. В небе за окнами то и дело вспыхивали росчерки молнии, а в доме диджей запустил «*The Devil Went Down to Georgia*» Чарли Дэнисла.

– Надо бы мне заснять свадебный торт и цветы. – Либби пошарила в кармане, ища полуценный от Джинджер список гостей, которых необходимо запечатлеть. Бумага тоже насквозь промокла, но все же чернила шариковой ручки не размылись.

– Пойду пощелкаю с другого конца зала.

– Удачи!

Тут же к Либби подошли мальчик и девочка с одинаковыми иссиня-черными волосами и зелеными глазами – явно брат и сестра. Следовавшая за ними тридцатилетняя женщина с такими же зелеными глазами легонько подтолкнула детей вперед, тихонько напомнив им улыбнуться.

– Госпожа МакКензи, – заговорила она, – вы вряд ли помните меня или моих детей, Роберта и Кейт. Ваш отец был их детским доктором – равно как некогда и моим.

– У него всегда были вишневые леденцы, – широко улыбнувшись, вставил мальчик.

– А когда он делал мне укол, я даже этого не чувствовала, – добавила девочка.

– Мы очень огорчились, услышав о его кончине, – сказала женщина.

Либби сосредоточенно стала возиться с диафрагмой. Возвращаясь в Блюстоун, она понимала, что еще долго будет слышать отовсюду светлые воспоминания об отце. И, слушая о нем, будет тосковать по папе еще сильнее. Но как бы ей ни хотелось оградиться от этих чужих воспоминаний, она не могла этого сделать. Это был своего рода ее долг перед отцом, который за три десятка лет излечил от разных хворей, наверное, тысячу местных детишек.

Когда в январе он умер, Епископальная церковь Блюстоуна была битком набита скорбящими, охватывающими разные поколения семей, подобной этой. В сводчатом приделе люди плотно стояли в пять рядов. Отец бы этим гордился. Он всегда считал, что малолюдные похороны – весьма красноречивый комментарий к пройденной жизни человека.

– Спасибо, – ответила она.

Тем временем невеста с женихом выскользнули из боковой комнатки, и гости разразились восторженными приветствиями. Джинджер казалась такой же счастливой, как некогда и Либби в день своей свадьбы.

– Я слышала, вы насовсем вернулись в родной город, – продолжала женщина.

– Пока что просто остановилась в доме отца, – отозвалась Либби.

В маленьком городке ничего не утаить! Всю оставшуюся зиму и весну она провела в основном перед компьютером, редактируя снимки со свадеб и принимая новые приглашения, а все остальное время разъезжала по фотографируемым празднествам. Плотная работа помогла Либби приглушить непреходящую тоску по отцу, отключиться от трех выкидышей и от развода.

– Что же, добро пожаловать в Блюстоун, – сказала женщина. – Я – Молли.

– Приятно познакомиться, Молли.

– А муж ваш тоже с вами сюда вернулся? Я от кого-то слышала, вы в ожидании.

«Детский вопрос» по-прежнему нет-нет да поднимался. Когда они с Джереми объявили во всеуслышание, что планируют завести ребенка, вокруг началась настоящая охота за тем, чтобы увидеть ее подросший живот. Всякий раз, как Либби делала глоток вина, люди брали это на заметку. Когда она отказывалась от возлияния – тоже замечали. Когда первый ее домашний тест выдал положительный ответ, Джереми купил крохотную детскую футболку с надписью

«Nationals». Спустя несколько недель после первого выкидыша она нашла в шкафу эту маленькую футболочку.

– Боюсь, что мужа у меня больше нет, – ответила ей Либби. – Равно как и нет детей. Так что я ныне в одиночном полете. – В словах ее сквозил явственный вызов.

– Что ж, удачи вам, – медленно кивнула Молли, усваивая, насколько устарела ее информация насчет Либби. – Благослови вас Бог.

В южных штатах эта фраза обыкновенно означала: «Сочувствую твоей никчемной заднице».

Продолжая улыбаться, Либби вернулась к фотографированию свадебной вечеринки.

Следующие два часа пролетели быстро. В какой-то момент Либби заметила Коултона рядом с матерью и с двумя мальчонками лет пяти-шести, выглядевшими как сам он в миниатюре. Догадавшись, что это его дети, Либби с невольным разочарованием подумала, что где-то среди веселящихся гостей затерялась и его супруга.

Не переставая снимать, Либби запечатлела, как Джинджер скармливает новоиспеченному супругу кусок торта, затем сделала ряд фотографий, как жених танцует с матерью, в то время как Коултон танцевал со своей.

Пока гости двигались под «Y.M.C.A» группы «Village People», Либби сверилась с перечнем обязательных фото. Убедившись, что все они уже сделаны, она набрала на тарелку угощений и выскользнула на террасу. Дождь уже закончился, однако воздух оставался густым и жарким. Из-за края пухлой серой тучи выглянуло солнце, и над рекой вдаль стал подниматься туман. Этот невероятно прекрасный вид сразу напомнил Либби, почему здешние места так набирают популярность среди приезжих.

Потом она заметила, как в стоявший поодаль большой амбар зашел Коултон и спустя считанные секунды выкатил оттуда бордовый ретроавтомобиль. Плавно переключая передачи, он подогнал машину к парадным ступеням особняка. «Есть все же что-то такое в человеке, умеющем ездить на механике», – подумалось Либби.

Коултон заглушил двигатель – мотор напоследок рокотнул, и капот легонько вздрогнул. Позади автомобиля закреплена была большая табличка с надписью «Новобрачные».

Когда Коултон обходил машину спереди, Либби поймала на себе его взгляд.

– Мне еще не представилась возможность вас поблагодарить. Вы мой спаситель.

– Рад был помочь.

– Прекрасная машина для бегства новобрачных.

Коултон успел переодеться в джинсы и белую рубашку. Черные его волосы, мокрые от недавнего дождя, были зачесаны назад.

– Это авто – достояние Вудмонта. В гараже стоят еще несколько ретроавтомобилей. Сколько у нас осталось до торжественных проводов?

– Двадцать минут.

– Отлично. Значит, успею вернуться. Забыл привязать жестяные банки.

– Вы, я вижу, стараетесь не жалея сил.

– Конечно же! У старшей сестры – самый главный в жизни день.

Улыбаясь, она глядела вслед убегающему Коултону и никого не замечала поблизости, пока не услышала осторожное:

– Либби?

Знакомый низкий голос заставил ее повернуть голову к широким ступеням крыльца. К ней, неуверенно улыбаясь, поднялся бывший муж.

– Джереми? Что ты здесь делаешь? – В ее полупшепотом произнесенных словах явственно звучали любопытство и страх.

– Я заехал к тебе, но твоя соседка сказала, что ты снимаешь здесь свадьбу. Надеялся, вдруг у тебя возникнет маленький перерыв.

Джереми был на дюйм ниже ее. У него было атлетическое телосложение, которое он старательно поддерживал, бегая трусцой и по несколько раз в неделю качаясь в спортзале. Светлые его волосы уже начали понемногу редеть, а морщинки вокруг рта и карих глаз сделались глубже.

Либби едва не наклонилась его поцеловать, но вовремя спохватилась. Развод их прошел достаточно цивилизованно – но все же развод есть развод.

– Я решил привезти кое-какие твои вещички, оставшиеся у нас в доме в Дэйле. Я взялся расчищать и перекрашивать свободную комнату и наткнулся на них.

Свободную комнату они предполагали отвести под детскую. Так что имело смысл использовать ее как-то более практично. Когда Либби съехала из их трехэтажного жилища, Джереми выкупил ее часть дома. Эти деньги помогли ей временно обосноваться в Ричмонде, а также обзавестись более шустрым компьютером и новыми линзами к фотокамерам.

– Устроишь себе дома кабинет, о котором всегда мечтал?

Джереми пожал плечами и опустил взгляд к своим рукам, выставив лишенный кольца безымянный палец:

– Я снова женюсь.

– О, вот как. – Она ожидала ощутить укол грусти, однако почувствовала словно легкую пощечину, хотя уже и видела в интернете их фотографии. – Поздравляю, рада за тебя.

– Ее зовут Моника Петерсон.

– Точно. Помощник адвоката у тебя в конторе. – Либби мысленно сравнила облик этой спортивной, подтянутой женщины с короткими черными волосами и цепким взглядом с собственным нынешним видом, к которому напрашивалось сравнение разве что с тонущей крысой. Джереми с Моникой вместе состояли в группе бегунов своей фирмы, и Либби даже несколько раз примыкала к ним в соревнованиях.

– Да, – кивнул Джереми.

– Поздравляю, рада за тебя, – повторила она, точно поцарапанная пластинка.

Взгляд его скользнул по широкому парадному крыльцу, роскошно убранному цветами.

– Совсем не так, как было на нашей свадьбе.

– Ага.

Они поженились втихую, однако месяц спустя после их свадьбы ее отец закатил пышный званый ужин в загородном клубе с родственниками и друзьями.

– Очень жаль было услышать о твоём отце, – сказал Джереми.

– Признательна тебе за цветы и открытку с соболезнованиями.

– Мне нравился твой отец. Он был достойный человек. Когда он поднимал за нас тост на той вечеринке, он как будто был счастлив за нас.

– Он и впрямь был за нас счастлив.

Это был поистине идеальный уикенд. Где-то ближе к полуночи они вдвоем покинули вечеринку и отправились на машине в старинную мини-гостиницу, где предались любовным ласкам. Это был один из считанных случаев, когда ни на одного из них не давила работа и надвигающиеся сроки. Отец однажды обмолвился Либби, что их развод украл у него сына.

– Тебе вовсе не надо было пилить в такую даль, – сказала она. – Мог бы отправить мне по почте или вообще выбросить. Если я до сих пор этих вещей нехватила, то вряд ли они мне так необходимы.

Джереми всегда был очень внимательным и деликатным. Он старался не выдавать своего огорчения, когда Либби раз за разом теряла плод. Однако его тихая доброта лишь еще больше подогревала в ней ярость. Как он мог не бесноваться из-за этого?!

– Я думал сообщить тебе о своей женитьбе лично. Не хотел, чтобы ты узнала об этом из «Инстаграма». – Он сунул руку в карман и с глухим позвякиванием стал перебирать в нем мелочь.

Либби по-прежнему следила за его существованием и время от времени заглядывала на его страничку. Она надеялась, что жизнь у Джереми, как и у нее, застряла на нейтрале. Но, по всей видимости, это было не так.

– Пошли, – предложила Либби. – Показывай, где ты припарковался. Переправлю вещички к себе в машину.

– Отлично.

В молчании они двинулись по усеянной лужицами гравийной дорожке в сторону парковки. Когда они были мужем и женой, Либби никогда не угнетало такое взаимное безмолвие, равно как не беспокоило и Джереми. Теперь же это будто вызывало в нем дискомфорт.

– Хекманы наконец переехали, – сообщил он.

Супруги Хекман были их престарелыми соседями по дуплексу¹. Они оба были вегетарианцами, и миссис Хекман пила столько морковного сока, что, казалось, и сама сделалась такой же оранжевой.

– Сколько, интересно, они там прожили? Лет тридцать – тридцать пять?

– Сорок. Сейчас переехали в Теннесси, поближе к своим детям.

– За них можно порадоваться.

Миссис Хекман была помешана на здоровом образе жизни и с фанатичной настойчивостью поила Либби свежевыжатым морковным соком всякий раз, когда та оказывалась в положении.

Джереми оглянулся на оставшийся позади особняк, из которого начали понемногу выходить на воздух гости.

– С работой у тебя, я вижу, все отлично.

– Да. Я бы даже сказала, преуспеваю.

Как только они с Джереми решили завести ребенка, Либби пришлось прекратить проводить своим больным сеансы химиотерапии. А после двух оборвавшихся беременностей ее намерения ухаживать за больными и умирающими вообще иссякли напрочь. Тогда-то, с благословения Джереми, она и начала профессионально заниматься фотографией.

– Моника ждет ребенка.

Ее словно ударили в живот, и только что сидевшее в ней самообладание, которое усилием воли удалось собрать, вдруг разом исчезло. В сознании тут же закружились мысли о так и не рожденных детях, и вся ее давняя боль, с таким старанием запертая подальше, отчаянно забарабанила, просясь наружу. Несколько мгновений Либби не в состоянии была сказать ни слова, боясь, что ее тон выдаст безысходную, страшную тоску.

– Я понимаю, насколько для тебя тяжела эта тема, – поспешно добавил Джереми.

Это была *их* тяжелая тема. *Их* потери. *Их* боль. Теперь же это был лишь для нее большой вопрос.

– Мне следовало сказать тебе об этом еще несколько месяцев назад. Но я знал, как тяжело ты переживаешь потерю отца.

– Несколько месяцев? Когда же у нее срок?

– Через пару недель.

Либби кашлянула, прочищая горло.

– Вот это да! Потрясающая новость.

Интересно, он припас уже футболочку с эмблемой «*Nationals*»?

– Ты очень расстроена.

– Нет. Просто удивлена. – В доказательство того, что не питает мрачных чувств и что нормально все восприняла, Либби обняла его. – Я знаю, как долго ты этого желал.

---

¹ Дуплекс – дом, разделенный общей стеной на две половины под общей крышей, рассчитанный на проживание двух семей. (Здесь и далее прим. перев.)

- Уверена, что все в порядке?
- Разумеется. – Голос ее звучал как будто с расстояния, со странной непривычной вибрацией, напоминая далекий гром перед надвигающейся грозой. – Что ж, удачи вам обоим. Он внимательно поглядел на Либби. В глазах у него темнело замешательство.
- Я понимаю, что выбрал не самое лучшее время...
- Лучшего времени, я думаю, и не представилось бы.
- Джереми вытащил из «Вольво» коробку и отнес к ее машине. Либби заглянула внутрь:
- О, мои беговые кроссовки! Мне и впрямь их не хватало.
- Вот и я подумал, что они тебе, наверное, нужны.
- Очень заботливо с твоей стороны. Спасибо. Но мне пора бы вернуться к работе.
- С тобой точно все будет в порядке? – спросил Джереми с совершенно искренней заботой, которая почему-то вызвала в ней раздражение.
- Со мной все отлично. Не волнуйся за меня. – Либби излишне громко захлопнула дверцу машины. – Мне правда необходимо вернуться к работе. Мои молодожены вот-вот уже отъедут.
- Джереми взял ее за руку. Его сердечное рукопожатие немного согрело ее ледяные пальцы.
- Удачи тебе, Либби. Я буду всегда любить тебя.
- Она тихонько кашлянула.
- Ну, прям как в песне! Взаимно.
- Бросив ему напоследок улыбку, Либби направилась к крыльцу особняка. Ноги ее были будто деревянные, от напряжения даже свело поясницу.
- Поднимаясь по ступеням, она на миг лишь оглянулась на приготовленный для новобрачных старинный автомобиль и едва не уткнулась в женщину, стоявшую на самом верху лестницы.
- Прошу прощения, – обронила Либби, но тут подняла голову и обнаружила, что перед ней сама хозяйка имения, Элайна Грант.
- Миссис Грант, которой было уже за пятьдесят, одета была в хорошо шитый, по фигуре темно-синий костюм и черные туфли на каблуках. Ее каштановые, с легкой проседью, волосы были убраны на затылок в «ракушку». Сьерра назвала бы ее стиль французским шиком.
- Ничего страшного, – отозвалась миссис Грант.
- Простите, задумалась на минуту. Быть может, хотите, чтобы я сделала еще какие-нибудь снимки? – спросила Либби, глядя с крыльца, как «Вольво» Джереми набирает ход, удаляясь по длинной подъездной дороге.
- С вами все в порядке? – пристально взгляделась в нее миссис Грант. – Вы как будто бледны.
- О, не беспокойтесь, все отлично. Просто мой бывший муж решил вдруг нарисоваться и вернуть кое-что из моих вещей. А заодно сообщить мне, что снова женится и что скоро у них будет ребенок. Но знаете что? – улыбнулась Либби. – Он привез мои любимые беговые кроссовки, в которых мне было просто потрясающе. Знаете, когда уже как следует разносишь пару, и все же они хорошо поддерживают ногу. Этакая золотая середина. Мне действительно их очень не хватало.
- Вот как? Так с вами точно все в порядке?
- Ее пространная тирада прозвучала исключительно нелепо. Будь ее жизнь телевизионным ситкомом, Либби сейчас бы даже ухмыльнулась, услышав за кадром неестественный в записи смех.
- Простите, наговорила вам лишней информации, миссис Грант. У вас прекрасный дом и изумительные сады.
- Миссис Грант улыбнулась:
- Жаль только погода подкачала. И пожалуйста, называйте меня Элайна.

– Хорошо, Элайна, – кивнула Либби. – Погода – всегда фактор риска. – Она кашлянула, прочищая горло, в надежде, что миссис Грант уже забыла про ее ненужную болтовню насчет Джереми. – С вашей стороны было так мило открыть свой дом для свадьбы Джинджер.

– Я ее знаю с малолетства. И ее мать всегда была очень ко мне добра. Мы практически одна семья.

Надеясь побыстрее переключиться от признаний Джереми на что-нибудь другое, Либби поспешила добавить:

– Если вы когда-нибудь решите сдавать в аренду свое имение для частных мероприятий, то сможете получить от этого большую выгоду.

– Я еще несколько лет назад обдумывала эту идею, но, пока сады не будут как следует восстановлены, мы мало что можем предложить публике.

– Они и сейчас уже в прекрасной форме.

– Приятно слышать это от вас, поскольку я подумываю составить каталог с фотографиями дома и цветников. И если мы решимся-таки на это предприятие, то нам также понадобится и свой сайт.

– Да, без этого не обойтись.

– Подходите в понедельник в одиннадцать часов в мой кабинет. Обсудим это поподробнее.

– Конечно. Это было бы замечательно.

В доме раздались восторженные приветствия, и Либби поняла, что невеста переделалась в свой дорожный наряд и готова к отбытию.

Либби тут же подняла фотокамеру и, отступив от собеседницы, направила объектив на жениха с невестой. Следующие несколько минут были наполнены радостным смехом, порханием нежно-желтых лепестков роз и торжественным отъездом молодоженов на ретроавтомобиле.

Не переставая снимать, Либби некоторое время следовала за машиной, неторопливо ехавшей по длинной гравийной дороге, и все поглядывала на привязанные к автомобилю жестяные банки, что отчаянно брякали, предвещая новобрачным только самое лучшее.

Глава 4

Либби

Понедельник, 8 июня 2020 г.

г. Блюстоун, штат Вирджиния

Ей снилась прелестная малютка. Либби уже не раз видела ее во сне, и теперь, как и в прошлых снах, она целовала кроху в нежный животик, вдыхая еле ощутимый запах сладкого молока, и терлась кончиком носа о ее малюсенькую хлопковую распашонку. Маленькие ручонки сжали ее волосы в кулачках и подергали, отчего и мать, и дочурка счастливо рассмеялись.

– Кем же ты станешь, малышка? – задумчиво спросила Либби.

Брыкая крохотными ножками и булькая смехом, девочка ответила:

– Я стану кем только пожелаю. Передо мною – целый мир.

– Но ты еще слишком мала, чтобы что-то сделать в этом мире. Останься со мной.

– Матери и дети не всегда могут быть вместе, – возразила малютка без малейшей печали в голосе.

– Но это неправильно, – тихо сказала Либби.

– Такова жизнь.

– Нет, у жизни должен быть некий порядок. И тебе еще не время уходить. Не покидай меня, малышка.

Однако девочка исчезла. Смех ее истаял, и сон полностью развеялся, оставив Либби лежать, уже окончательно проснувшись и глядя на неровный – так называемый акустический – потолок гостиной в доме отца.

Донесшийся с кухни грохот кастрюль и сковородок вынудил ее подняться и потянуться к телефону. Задев, она вновь опрокинула пустой бокал. Либби не помнила даже вкус вина, которое она ночью выпила залпом, надеясь поскорее заснуть.

Большую часть вчерашнего дня она просидела перед компьютером, обрабатывая файлы с фотографиями свадьбы Джинджер и Кэмерона, а также с маниакальной частотой заглядывая на страницы Джереми и Моники в «Инстаграме». Отредактировав каждые десять фотографий новобрачных, она заслуженно отвлеклась, чтобы еще разок посмотреть на ожидавшую ребенка парочку. Она выяснила, что Джереми с Моникой публично заявили о своих отношениях спустя пять дней после того, как Либби с Джереми подписали документы о разводе. Первым их совместным постом было селфи, где они вовсе не смотрелись как пара. Джереми, широко улыбаясь, высоко держал камеру, а Моника воздевала к ней руки, точно задавая какой-то вопрос.

Закинув ноги на боковинку дивана, Либби «пролистнула» экран телефона к последнему посту парочки – со счастливыми улыбками, склоненными друг к другу головами и чоканьем кофейными чашками. На безымянном пальце у Моники теперь красовался огромный камень, который, надо думать, обошелся Джереми в кругленькую сумму.

Либби внимательно вгляделась в улыбку Джереми, а потом и Моники, надеясь обнаружить, что у той лицо все ж таки счастливее, нежели у ее бывшего. Либби вовсе не хотелось, чтобы Джереми вернулся к ней. Однако от мысли, что он не до конца еще оправился после их общих потерь, ей было бы, пожалуй, легче. Впрочем, никакой омраченности в его лице не наблюдалось. Даже после визита к ней Джереми выглядел положительно бодрым и жизнерадостным.

Счастливая пара пока никак не афишировала подросший живот Моники, однако, пролистав посты назад и приглядевшись к фотографиям, Либби уже на мартовских и апрельских снимках увидела признаки беременности под просторным, с логотипом его университета, свитером Джереми. Лицо у Моники заметно округлилось, грудь стала полнее. У нее имелись все красноречивые атрибуты того, чего так не хватало Либби.

Ладонь ее непроизвольно скользнула к плоскому животу, и Либби с горечью вспомнила, как в четырнадцать недель он уже чуточку округлился. И еще тягостнее стало, когда в памяти всплыли эти мягкие, еле ощутимые толчки изнутри.

На кухне снова брякнула сковородка, и Либби оторвалась от «Инстаграма».

– Сьерра, если это не ты, то я сейчас вызову копов!

– Интересно, какой вор станет варить тебе кофе и готовить яичницу?

– Звучит убедительно.

В широкой, свисающей до колен футболке Либби подхватила с пола опрокинутый бокал и понесла его на кухню.

Сьерра стояла перед плитой, возраст которой отсчитывался аж с пятидесятих годов прошлого века. У родителей как-то не возникало надобности менять этот агрегат, поскольку работал он отлично. Этим же объяснялось и присутствие холодильника времен президентства Рейгана, и посудомойки, купленной в канун нового тысячелетия. Если отец и полагал, что Либби станет продавать дом, то он явно не получал рекламных памяток о том, что ключом к успешной продаже дома являются современная кухня и ванные комнаты.

И черные брюки-«карандашики» Сьерры, и ее блузка в горошек с подчеркнута белым воротником, и круглые красные серьги в ушах – все это вместе создавало особенную атмосферу ситкома пятидесятих «Я люблю Люси», невероятно ассоциирующегося именно с этой кухней.

– И много ты успела перелопатить? – Сьерра разбила яйцо в сковородку и потянулась за другим.

– Прилично. Впереди у меня просто сумасшедшая неделя, а потому я решила добыть альбом для Джинджер и Кэмерона. Надо сказать, там есть совершенно волшебные кадры – например, где они вдвоем смеются под дождем.

– Прямо напрашивается мюзикл.

– Ага.

– Отпуск себе не хочешь устроить? – спросила Сьерра.

– Устрою. Как только отбарабаню июнь и первую неделю июля. А следующая свадьба будет только в сентябре.

– Это хорошо. Могла бы с пользой провести этот свободный промежуток. – Она налила для Либби чашку кофе и передала подруге.

Либби сделала глоток, потом прижала теплую чашку к виску:

– Благослови тебя Господь.

Сьерра достала из шкафчика аспирин и поставила флакон перед Либби:

– Уж не стану спрашивать насчет двух пустых винных бутылок в мусорке.

– Они уже были полупустыми, и это со свадьбы. Твой же шеф мне их и дал.

Сьерра тоже взяла в ладони чашку кофе.

– Он не должен бы этого делать, но ему так неохота возиться с бутылками.

– Мне повезло. А ты-то когда оттуда выбралась?

– Мы закончили уборку где-то около шести. Рик подбросил меня до дома. Я к тебе зашла, но тебя не видела.

– Решила прокатиться. – Бесцельно разъезжать по здешним длинным, извилистым дорогам показалось ей чуть менее бессмысленным, нежели вернуться домой и глазеть на стены.

– На приеме меня припахали к подаче торта, и мне некогда было у тебя спросить: мне показалось, или я видела на свадьбе Джереми?

– Тебе не показалось. – Либби глотнула еще кофе. – Если вкратце, то он явился мне сообщить, что женится. А еще, как выяснилось, они с будущей супругой ожидают ребенка. Причем уже в считанные недели.

– Либби... – протянула Сьерра, в каждый слог ее имени вкладывая гнев и сопереживание.

– Не говори таким голосом. И не смотри на меня так. У меня все норм.

– Нет, не норм. И те две бутылки были вовсе не полупустыми. И за вчерашний день ты и шагу из дома не сделала. Я решила, что ты сильно устала, и не стала тебя трогать. А ты, оказывается, тут всю предавалась скорби и печали.

– Я не предавалась никакой скорби. Я трудоголик. Сама же мне говорила, что энергия у меня совершенно не сбалансирована и чрезмерно направлена на работу.

– Но зачем он явился на свадьбу?

– Искал меня. Хотел поговорить лично. Но, мне кажется, ему все же хотелось, чтобы наша встреча прошла на публике – чтобы все не пошло наперекосяк.

– А это не могло подождать, пока ты закончишь снимать свадьбу?

– По-видимому, нет.

– Ну, что я могу сказать... Старина Джереми только что вывалил тебе на голову целый кузов навоза, и мне кажется, от него несет.

– И я с уважением должна отнестись к тому, что он оповестил меня об этом лично, – добавила Либби.

Сьерра задумчиво постучала красным наманикюренным ноготком по краю керамической кружки.

– Знаешь, бывают дни, когда я страшно кляню Вселенную за то, что отняла у меня Адама. Но когда я снова, как говорится, на коне, то утешаю себя тем, что, по крайней мере, мне никогда не доведется увидеть его с другой женщиной. Понимаю, это эгоистично, но осознание того, что у нас обоих никого другого нет, всегда хорошо на меня действует. Не представляю, что бы я сделала, женись он на другой.

Либби проглотила две таблетки аспирина, запив их добрым глотком кофе.

– Мы с ним развелись не просто так. И если бы твой муж, получив от тебя свободу, слишком быстро нашел другую женщину, ты еще бы и не так поддавала и работала как проклятая.

– Вот только излишек того и другого тебе явно не на пользу.

– Как я уже сказала, скоро у меня будет перерыв. К тому же я не могу винить Джереми. Я от него ушла. И он неплохой парень.

– Тогда почему меня так тянет врезать ему в нос?

– Ну а что, по-твоему, он должен был бы сделать? Отправить мне эсэмэс?

– Именно это и сделал бы любой уважающий себя миллениал.

Либби улыбнулась:

– Но только не он. Он и правда неплохой человек.

На сковородке между тем громко зашкворчала яичница, и Сьерра вновь переключилась на готовку.

– На свадьбе я познакомилась с Элайной Грант, – сообщила Либби.

– И чего она хотела? – Сьерра приподняла лопаткой яичницу, чтобы непрожаренный желток стек на горячую сковороду.

– Она подумывает создать для своего поместья целый сайт, и ей для этого понадобится нанять фотографа.

– И ты, возможно, получишь эту работу?

– Возможно.

– Можешь вообще представить, что Вудмонт откроет двери для торжеств? Это привлечет к Блюстоуну все виды бизнеса.

Либби сделала мысленную пометку прихватить с собой ноутбук, чтобы показать Элайне снимки со свадьбы. Она уже отправила Джинджер ссылку на фотоальбом, но сильно сомневалась, что наслаждающаяся медовым месяцем невеста кому-либо ее переслала.

– Да, это было бы классно для всех в радиусе пятидесяти миль.

Либби сделала большой глоток кофе, думая о том, какая выпала счастливая случайность, что Джинджер наткнулась на ее сайт.

– А у тебя что за прикид такой в духе пятидесятых?

Сьерра вмиг посерьезнела и сосредоточилась.

– У меня сегодня встреча в банке.

– А, ну да, ты ж собираешься взять кредит на покупку того старенького магазина в центре.

Еще в двадцатые годы прошлого века в этом здании был обустроен городской универсальный магазин, и когда владелец его умер, собственность стала переходить по наследству. Какое-то время там был хозяйственный магазин, впоследствии – лавка антиквариата, пока наконец эта точка не закрылась навсегда.

Сьерра разложила яичницу по двум тарелкам, уже украшенным ломтиками свеженарезанных фруктов.

– Я тут недавно прошла мимо той старой лавки. У этого места, скажу я, большой потенциал. Его точно ждет успех.

– И сколько будет стоить купить его и перестроить под твой проект?

– Уйма денег. Потому и хочу взять кредит. От страховки после Адама у меня достаточно средств, чтобы заплатить за большую часть дома. Но для оборотного капитала все равно понадобится помощь банка.

– Капремонт всегда съедает больше, чем планируешь. Какую бы смету тебе подрядчик ни составил, добавляй еще процентов пятьдесят.

– Стараюсь смотреть на это с оптимизмом, – сказала Сьерра. – Мне просто необходимо всем этим заниматься.

Либби распахала яичницу по краям тарелки. Ей не требовалось спрашивать у Сьерры, почему той настолько нужен этот проект. Как и ей самой, Сьерре намного проще было целиком отдаваться работе, нежели скорби и тоске.

– Позвони мне после банка. Так или иначе, но я помогу тебе с этим разобраться.

* * *

К Вудмонту Либби приехала в пять минут одиннадцатого. В небе разливалась яркая голубизна, и в прогнозе не было ни малейшего намека на дождь.

Либби свернула с асфальта на длинную гравийную дорогу, ведущую к главному особняку. Значительно сбавив ход, она наслаждалась видами вокруг, не тяготясь ни боязнью непогоды, ни сжатым временем, ни логистикой свадебных хлопот.

Поле слева от дороги было покосено, причем сено, без сомнений, по указанию Коултона еще до дождей скатали в рулоны и переправили в амбар. С северного края поля паслись стриженные овцы, а за ними виднелась округлая излучина реки Джеймс. Это и впрямь было самое восхитительное имение во всем округе. Во время Недели старинных садов они с матерью, бывало, сживали здесь со старушками, съехавшимися со всех окрестностей, и неспешно попивали каркаде, закусывая его пирожками со знаменитой вирджинской ветчиной. Пару раз мать звала и отца присоединиться к поездке, но тот все время вежливо отказывался.

– Не буду вам, милые дамы, мешать наслаждаться прогулкой, – с улыбкой говорил он, удаляясь к себе в кабинет.

Мать с дочерью каждый год вдвоем проделывали это занятное путешествие, пока однажды, когда Либби было тринадцать лет, ее мать не умерла от передозировки лекарства.

Отец уверял ее, что это был несчастный случай. Мол, обезболивающее вообще плохо сочетается с вином.

- Она бросила меня, – заявила тогда Либби.
- Нет, детка, твоя мама ни за что бы тебя не бросила, – возразил отец.
- Моя первая мать вообще от меня отказалась, – не отступала Либби.
- Нет, она отдала тебя нам, чтобы мы тебя удочерили.
- Когда я стану матерью, я ни за что не оставлю свое дитя.

Ей припомнилась роскошная цветочная композиция, доставленная в похоронное бюро от семьи Картер для ее матери. Она была не самой большой, но выглядела потрясающе, и цветы в ней были как будто собраны в садах поместья Вудмонт. При ней имелась лаконичная сухая надпись: «Соболезнования от семьи Картер». Похожая композиция прибыла и к гробу умершего в январе отца Либби – только на этот раз явно от постороннего флориста.

Доктор Картер-младший, Эдвард, был, как прежде и его отец, акушером-гинекологом. Либби подозревала, что ее папа за долгие годы своей медицинской практики как-то пересекался по работе с доктором Картером. И теперь, из профессиональной любезности, семейство Картер выказало им соболезнование и скорбь. Это было довольно узкое сообщество, где все друг друга знали.

Дорога вильнула влево, затем обратно повернула вправо. На поворотах от колес вздыбились облачка пыли. Наконец у дороги появилась небольшая табличка, гласившая: «Главный особняк» – и направлявшая налево. Либби свернула налево.

Она бывала здесь уже много раз и знала, что дорога, по которой она сейчас едет, упирается в другую, кружную подъездную дорогу, что словно обводит высокий белый дом, выстроенный в колониальном стиле.

Слева и справа от дороги раскинулись два прекрасных сада. Слева от Либби был цветочный сад, окаймленный аккуратно подстриженными самшитовыми деревьями. Путь к нему шел под широкой аркой, увитой мощными лианами жимолости. В центре цветочного сада на постаревшей от многих непогод каменной колонне стояли медные солнечные часы. На металле были выгравированы слова английского поэта:

Сад – это проблески триумфов на фоне череды потерь.

От этой центральной точки спиралью расходились закругленные цветочные клумбы с густыми посадками маков, лилейников, васильков.

Сад по другую руку был более практичным, хотя и не менее красивым. Отсыпанные мелким гравием дорожки обводили прямоугольные клумбы, пестревшие пышными полезными травами. Длинная шпалера с виноградной лозой поддерживала заодно томаты с наливающимися плодами, лианы с гроздьями огурцов, а также красную и зеленую стручковую фасоль. Среди овощей там и сям были разбросаны цветущие кустарники, что придавало всему саду ощущение контролируемой вольности, не давая ему выглядеть чересчур правильным и степенным.

Следы субботней свадьбы были старательно вычищены, и все здесь пребывало в том же идеальном нетронутым виде, как и в день прогона, когда они прогуливались здесь с невестой, обсуждая предстоящее празднество.

Выйдя из машины, Либби закинула на плечо сумку. Неподалеку послышался низкий собачий лай, за которым тут же последовало гавканье другой собаки, уже поближе. Обе уже во всю прыть мчались к Либби.

«Так вот и растерзали одинокого фотографа дикие звери...»

Как оказалось, низкий лай исходил от черного метиса лабрадора, девочки, которой явно не было еще и года. Второй голос принадлежал старенькой таксе с короткой шерстью, кривыми лапками и значительностью авторитетного пса. Лабрадориха держала в зубах палку и

так быстро махала хвостом, что, казалось, только чудом с такой-то вертушкой удерживалась на месте. Такса хранила настороженную сдержанность – впрочем, шерсть у нее на загривке не вздыбливалась. Лабрадор тут же с намеком положил палку у ног Либби, а такса между тем поводила вокруг нее носом, принохиваясь.

– Ну, привет, ребята, – сказала Либби и, проведя ладонью по ошейнику лабрадора, нащупала бирку с его кличкой. – Келси! Какое необычное имя.

Лабрадориха довольно рыкнула, отозвавшись на кличку.

Либби подняла палку, швырнула ее подальше и поглядела вслед помчавшейся за игрушкой Келси. Собака быстро нашла палку и принесла обратно. Либби кинула игрушку еще раз. Келси рванулась с места догонять.

Такса же не проявляла ни малейшего желания включиться в игру.

– Ну, а тебя как зовут? – На бирочке значилось «Сэйдж»². Либби легонько почесала кобелька между ушами. – Приятно познакомиться, Сэйдж.

Обойдя дом вместе с новыми друзьями, Либби поднялась по вытесанным каменным ступеням на крыльцо. Во время свадебного праздника двери в дом были открыты, повсюду слышался смех, лилась музыка. Теперь же, тихий и закрытый, дом имел какой-то отчужденный вид.

Либби постучала в парадную дверь, Келси тем временем снова уронила перед гостьей палку.

– Да ты, я вижу, целый день готова за ней бегать!

Собака подвинула носом палку поближе к ее ногам.

– Либби?

Келси, Сэйдж и Либби разом развернулись на голос Элайны.

– Здравствуйте, Элайна.

Хозяйка остановилась на круговой дороге, и собаки радостно устремились к ней. На Элайне были бледно-голубые джинсы, футболка с надписью «Вудмонт» и облепленные грязью сапоги. Стянутые в конский хвост волосы уже норовили вырваться из-под резинки, макияж отсутствовал напрочь. Кожа лица у Элайны оказалась бледнее, нежели помнилось Либби со свадьбы, под глазами пролегли легкие тени.

От странного, непонятного волнения по спине у Либби скользнул холодок. Причем у Либби не было ни малейших причин как-либо нервничать. Это была всего лишь обычная работа. Она уже сотни раз занималась подобным делом.

Элайна между тем поднялась к ней на крыльцо:

– Четко в назначенное время.

– Да, я, можно сказать, одержима пунктуальностью.

– Что ж, мне это очень по душе, – молвила Элайна. – Я бы протянула вам руку, но она вся в земле. Взялась расчищать старую оранжерею от зарослей лиан, и работа оказалась несколько грязнее, нежели я предполагала.

– Я и не представляла, что в имении у вас есть оранжерея.

– О ней помнят лишь отдельные местные старожилы. Она стоит, заброшенная, с середины восьмидесятых. Некогда мой дедушка соорудил для бабушки зимний сад в качестве свадебного подарка. Когда они оба умерли, я так и оставила ее закрытой, поскольку в свои двадцать с небольшим мое эгоистичное «я» не считало это стоящим проектом. Теперь же, тридцать лет спустя, я вижу, сколь прекрасна эта оранжерея, и сожалею, что так долго относилась к ней с пренебрежением.

– К вам уже так давно перешло это имение?

---

² Сэйдж – разговорное сокращение от Sergeant («Сержант»).

Элайна жестом пригласила гостью к двум белым креслам-качалкам, стоявшим на террасе, и вскоре они обе удобно сели.

– Бабушка с дедушкой оставили мне это поместье, когда мне было примерно столько же, сколько и вам. Может, даже чуть меньше. Оно всегда переходит к старшему из следующего поколения, хотя на ту пору я оказалась вообще единственной из Картеров. Именем бесценно управлял отец Джинджер, ныне покойный Джеб, но когда он от болезни ослабел, у меня не хватило духу слишком нагружать его работой по саду. Джеб делал все меньше и меньше, а когда умер, я не стала искать ему замену. Мы как бы самоустранились, и природа быстро взяла свое, как это всегда и бывает.

– Но сейчас ваши сады выглядят потрясающе!

– Это лишь благодаря Коултону. Когда он позвонил мне пару лет назад и справился насчет работы, я подумала, что это как нельзя вовремя. В садах накопилась уйма работы, да и Маргарет хотела, чтобы ее внуки были к ней поближе. Так что я наняла Коултона, велев ему сосредоточить свои усилия на основной части сада, а также на перестройке кухни.

– Коултон здорово меня выручил перед самой церемонией, – вставила Либби. – Он очень кстати подъехал и подвез меня с зонтиками под начинающимся уже дождем. Однако на большинстве семейных снимков его нет.

– В этом весь Коултон.

– Итак, насколько я понимаю, вы предполагаете предоставлять свое поместье для проведения торжеств? То, что я наблюдала здесь в субботу, было организовано просто великолепно.

– Это лишь из доброго отношения к Джинджер. Я пока не утвердилась в решении открыть свой дом для праздничных мероприятий. Но мне бы хотелось, чтобы Вудмонт был с разных ракурсов сфотографирован и эти снимки выстроились в каталог, чтобы, если я все ж таки решусь его открыть, все было бы уже готово.

– Я, кстати, хотела показать вам снимки со свадьбы, а также с прогона двухнедельной давности. Оба раза погода была не ах, но если простоят хоть несколько деньков, как сегодня, то у любого, кто возьмется снимать, фотографии выйдут отличными.

– Да, такой день, как сегодня, сразу напоминает мне, почему я как можно чаще стараюсь приехать в Вудмонт.

– То есть вы здесь все время не живете?

– Я, можно сказать, разрываюсь между Вудмонтом и Вашингтоном. Причем я уже изрядно ужала расписание своей адвокатской практики, чтобы побольше времени проводить здесь.

– Как я вас понимаю! Я очень люблю здешнее начало лета. Когда я была ребенком, то мы с матерью каждый год приезжали сюда на Неделе старинных садов. Мы здесь чудесно проводили время.

Элайна тихо улыбнулась, отчего в уголках глаз и возле рта у нее появились тонкие морщинки.

– Мы уже думаем о том, чтобы в следующем году снова открыть для публики сады. Это знаменательная неделя, когда можно похвастаться перед людьми всем тем, что сделано за долгую зиму.

– У вас ведь двести акров, верно?

– Уже сто пятьдесят. Пятьдесят акров продали пару лет назад, чтобы покрыть расходы на ремонт. Новый владелец сразу взялся расчищать территорию под виноградники. – Она усмехнулась. – Всякий нынче мнит себя виноделом.

– И Вудмонтом всегда владел ваш род?

– В основном – да. Некогда он переходил от одной ветви рода к другой, пока его не унаследовал мой дедушка.

– Не желаете взглянуть на фотографии со свадьбы Джинджер?

– Я, собственно говоря, уже кое-что сегодня видела. Вы прошлой ночью отправили ссылку на альбом Джинджер, а она переслала ее мне, чтобы я могла показать фотографии Маргарет. Вам удалось самый скверный дождливый день превратить в счастливый и жизнерадостный. Мой любимый снимок – это где Джинджер с Кэмероном, взывшись за руки, бегут, разбрызгивая лужи, под дождем. Вымокшие до нитки – и оба радостно смеющиеся.

У Либби была такая же реакция, когда она впервые взглянула на эту фотографию.

– Спасибо.

– И мне бы хотелось, чтобы вы отсняли виды поместья, равно как и процесс восстановления оранжереи. Моя дочь Лофтон тоже все время мне говорит, что Вудмонт вполне созрел для соцсетей.

– И ваши сады, и возрождение оранжереи, несомненно, будут иметь большой успех. И если вы решите открыться для мероприятий, все даты надолго вперед будут быстро забронированы. Но вы точно хотите, чтобы именно я занялась здесь фотосъемкой? Я ведь свадебный фотограф, а вам, пожалуй, нужен кто-то с опытом пейзажной фотографии.

– Что-то мне подсказывает, вы справитесь с этим заданием. – Элайна, улыбаясь, смахнула с лица прядь волос. – Вам, наверное, много довелось повидать подобных мест?

– Да, уже немало. Но искренне считаю, что ваше поместье – нечто совершенно незаурядное.

Либби потянулась к сумке за серой глянцевой папкой, которую она обычно использовала как презентационную. Снаружи был прилеплен круглый стикер с ее собственным логотипом «ЛМ * Фотосъемка».

– У меня с собой имеется прайс-лист, с которым вы, возможно, захотите ознакомиться для начала.

Элайна взяла в руки папку, однако даже не удосужилась ее открыть.

– Я уже побывала на вашем сайте. Ваши цены вполне вписываются в наш бюджет.

– У меня есть несколько комплексных пакетов. Если вы покажете мне свою оранжерею, то я, наверное, смогу озвучить более конкретное предложение.

– Хорошая мысль! – Элайна тут же опустила взгляд на высокие каблуки Либби: – А в этих туфлях вы сможете туда прогуляться?

– Разумеется.

Они обе поднялись с кресел и сошли со ступеней крыльца.

– Тогда следуйте за мной. Я проведу для вас маленькую экскурсию. Мы сперва пройдемся по верхней территории поместья, а потом я отвезу нас к оранжерее, что находится внизу.

Келси тут же подхватила с земли палку и, поднеся ее к ногам Либби, потыкалась ей носом в руку. Либби взяла палку и с размахом зашвырнула подальше. Собака рванулась вдогонку и вскоре уже вернулась, готовая бежать еще. Сэйдж с прохладцей потрусил за ними позади, то и дело угрюмо пофыркивая.

Позади хозяйского дома стоял ряд небольших белых коттеджей, с виду таких же старых, как и главный особняк.

– Вудмонт с самой постройки являлся действующей фермой, – пояснила Элайна. – В этих домиках проживали управляющий плантациями и работники, ухаживавшие за пшеницей на полях.

Хозяйка остановилась перед первым белым домиком, отмеченным табличкой «Посторонним вход запрещен».

– Это уже свежееотремонтированный коттедж. Когда в имении будут гости, я планирую большей частью скрываться здесь. Не хочу как-то их стеснять своим присутствием.

Элайна открыла дверь и сразу же включила внутри свет. В большой комнате стояла широкая кровать с балдахинном, застеленная белым покрывалом. У противоположной стены дома

виднелась скромная кухонька. В то время как мебель в комнате выглядела антикварной, кухня была оснащена на современный лад.

– Напоминает гостиничные коттеджи с размещением «кровать плюс завтрак».

– Если мы действительно откроемся для проведения торжеств, то, как говорит мне дочь, нам понадобится использовать каждый уголок имения, дабы максимизировать доход.

– А она здесь тоже собственник?

– Она юрист и к тому же хорошо разбирается в цифрах. Всякий раз, как у меня возникает какой-то замысел, она все тщательно подсчитывает, ворчит, что мне, скорее всего, не хватит денег, чтобы его реализовать, а потом находит-таки способ осуществить мою идею.

Заслышав звук газонокосилки, Келси с Сэйджем выскочили из дома. Элайна вышла за дверь и помахала рукой. Либби тоже выглянула наружу.

На недавнем празднестве, в темном костюме, высокая и худощавая фигура Коултона смотрелась очень даже неплохо, однако сейчас, когда он был в джинсах и футболке с едва проступившими пятнами пота, ему удалось выглядеть еще привлекательнее. Под обносившейся камуфляжной шляпой темнели солнцезащитные очки.

– Коултон, я думаю, ты знаком уже с Либби МакКензи? – произнесла Элайна.

Либби протянула руку, и Коултон, быстро стянув садовые перчатки, обхватил своими крепкими мозолистыми пальцами ее ладонь. Даже сквозь темные очки она почувствовала на себе его пристальный взгляд.

– Пожалуй, это самый трудолюбивый фотограф во всей Вирджинии, – улыбнулся он. – Немногие ваши коллеги столь энергичны в своей работе, как вы.

– Еще раз спасибо, что так вовремя подвезли меня в субботу. Некоторые гости вымокли просто насквозь.

– Рад был помочь.

– Я попросила Либби отснять территорию поместья и оранжерею, – молвила Элайна.

– Замечательно, – кивнул Коултон. – Дайте знать, если понадобится от меня какая помощь. – Тут он понизил голос до громкого сценического шепота: – Элайна у нас крутой начальник.

– Какой из меня начальник! – рассмеялась та. – Это скорее про Маргарет.

– А вот моей матушки пугаться не стоит, – сказал Коултон. – Она порою кажется нелюдимой, но сделает для вас все на свете.

– Приятно слышать.

– Кстати сказать, Маргарет не очень-то довольна нашей новой кухней, – с улыбкой сказала Элайна. – Все тоскует по старой плите с одной неработавшей конфоркой и духовке, которую приходилось подолгу разогревать.

– Мне вполне понятны ее переживания, – кивнула Либби. – Перемены порой даются тяжело.

– В вас говорит собственный опыт? – спросила Элайна.

– Просто я лишь недавно сюда вернулась. И все еще привыкаю. Но не поймите меня неправильно. Перемены – это всегда хорошо. – Ради положительного эффекта Либби особенно подчеркнула последние слова. Как Маргарет с новой кухней, она все еще пребывала в поисках плюсов от своей новой жизни.

– Я, кстати, хорошо помню вашего отца, – произнес Коултон. – Он лечил меня в детстве.

– Думаю, он пользовал всех детишек на двадцать пять миль окрест.

– Когда мне было шесть лет, я однажды со всех ног погнался за Джинджер, которая взяла моего игрушечного супермена. Поскользнулся, упал и широко рассадил себе голову. Отец сгреб меня в охапку и повез к вашему отцу. Тот встретил нас у себя в приемной, хотя и был субботний день. Ваш отец одет был явно для гольфа. И его, похоже, ничуть не беспокоило, что моя неосторожность испортила ему субботний день.

Ничем не нарушаемый выходной всегда был большой редкостью в доме МакКензи. А когда мать Либби умерла, отец стал еще больше часов отдаваться работе. Так что Либби частенько даже досадовала на его маленьких пациентов.

– Он несилен был в гольфе, так что ваш вызов явился для него спасением.

В этот момент в кармане у Элайны зазвонил мобильник, и, взглянув на экран, она сказала:

– Коултон, не мог бы ты отвезти Либби к оранжерее? Я тоже туда скоро подъеду. Мне нужно ответить на звонок.

– С радостью.

Кивнув, Элайна прижала телефон к уху и тут же отвернулась, полностью сосредоточившись на собеседнике.

– Она в мгновение ока переключает передачи, – улыбнулся Коултон. – Только что она здесь, а через минуту – уже мысленно в своем адвокатском кабинете. Так что, если что нужно – бери на бордаж, пока Элайна рядом. Она тут никогда надолго не задерживается.

Глава 5

Сэйди

Среда, 24 декабря 1941 г.

г. Блюстоун, штат Вирджиния

Когда грузовик одного из ее старших братьев, Джонни, въехал в Блюстоун, который представлял собою не более чем горстку разбросанных под горой деревянных домов, пятнадцатилетняя Сэйди сдвинулась на самый краешек потертого пассажирского сиденья. Тихонько громыхая, их машина направилась к городскому универсальному магазину, принадлежавшему господину Салливану.

Поездка к магазину мистера Салливана всегда была для нее удовольствием. И хотя Сэйди не могла себе позволить большую часть того, что там продавалось, ей все равно очень нравилось ходить по нему, разглядывать ткани, всевозможные безделушки и журналы, изобилующие фотографиями красивых и богато одетых людей, живущих где-то в дальних, экзотических краях. Порой, когда мистер Салливан бывал в благодушном настроении, он приберегал для Сэйди несколько старых журналов. И сейчас она надеялась, что в преддверии праздников хозяин магазина будет особенно щедрым.

Переключившись на пониженную передачу, Джонни сбавил ход у тротуара перед магазином. Городок их, конечно, не был таким большим, как Шарлоттсвилль, однако там все же имелись церковь, универсальный магазин, лавка с кормами и семенами, городской клуб, медицинская приемная доктора Картера, работавшая два раза в неделю, небольшой придорожный ресторанчик, что был единственным местом на тридцать миль окрест, где подавали спиртное, и, разумеется, тюрьма. С тех пор как девять лет назад закрыли талькохлоритовый завод, ни одно из местных заведений – за исключением забегаловки и кутузки – не могло похвастаться особым людским потоком.

Широкое витринное окно универсама Салливана было украшено большим зеленым рождественским венком с новеньким, упругим красным бантом. Под венком лежали несколько перевязанных ленточкой подарочных упаковок. Зайдя в магазин две недели назад, Сэйди, привлеченная ярко-красной упаковкой, подобрала самую маленькую из коробочек. Подняв ее и потрясая, девушка почувствовала, что упаковка легкая как перышко, и через весь магазин закричала мистеру Салливану, интересуясь, что же там внутри. Тот нахмурился, стал что-то бормотать насчет того, что там ничего нет и сделаны они лишь как украшение. Тогда Сэйди перетрясла все сложенные на витрине нарядные коробочки и с грустью обнаружила, что все они и впрямь пустые.

– Только помни: ничего не трогать, – предупредил еще раз Джонни. – Мистеру Салливану совсем не нравится, когда ты трясешь коробки одну за другой и орешь на весь магазин, что в них ничего нет.

– Но ведь это сколько времени впустую – просто для вида оборачивать коробки в красивую бумагу!

– Это вовсе не впустую, Сэйди, если пытаешься продать эту самую оберточную бумагу или же как следует настроить людей на рождественские покупки.

Сэйди поглядела на обвязанные ленточками коробки в витрине, решив для себя представить, будто в них лежит какой-нибудь красивый наряд.

– Я ведь ничего не испорчу, если просто посмотрю.

– Глазами смотри – это бесплатно, – усмехнулся Джонни.

– Небось новой миссис Картер господин Салливан позволяет брать в руки у себя в магазине что угодно. – С тех пор как эта женщина приехала в Блюстоун, Сэйди видела ее всего один раз. Тихая и миниатюрная, молодая жена доктора Картера напомнила ей мышь.

– Ты не хуже меня знаешь, что в Вудмонте совершенно другой мир, где живут по своим правилам, – приглушенно, едва не шепотом сказал брат.

– Это же несправедливо.

– При чем тут справедливость? Я просто говорю то, что есть.

Джонни было всего девятнадцать, но выглядел он лет на десять старше. С тех пор как два года назад умер их отец, а старший брат Дэнни отправился на войну, Джонни стал работать на их ферме от рассвета до заката. А в те промежутки времени, когда он не тратил все время и силы на выращивание пшеницы, Джонни подрабатывал на мебельной фабрике в Уэйнсборо. Недели, когда брат отсутствовал, были для Сэйди самыми трудными, поскольку и работа на ферме, и перегонка бражки целиком ложились на нее. Минувшей осенью она почти не показывалась в школе и понимала, что сильно отстала в учебе от своих одноклассников.

«Сухой закон» закончился уже много лет назад, и самый расцвет продаж самогона давно остался позади. Однако находились люди – включая и тех же живущих с шиком Картеров, – которые, однажды распробовав, предпочитали всем другим напиток по томпсоновскому рецепту с ароматом цветков жимолости. Да и, честно говоря, все домашнее, считала Сэйди, всегда вкуснее купленного в магазине.

В этот отрезок года продажи самогона, как правило, возрастали. Однако в нынешнем году декабрь выдался особенно беспокойным. Президент Рузвельт объявил на всю страну по радио о внезапном нападении Японии на Перл-Харбор, и все в их городке, включая и Джонни, уже горели желанием отомстить. Теперь их мать, которая и так переживала из-за Дэнни, совсем лишилась сна и ночами беспокойно мерила шагами их скрипучий деревянный пол. Ей довелось пережить Первую мировую войну, и она не хотела, чтобы в подобных кровопролитиях участвовали двое ее сыновей.

Сэйди соскочила с подножки грузовика и тут же сунула руки в перчатках в карманы шерстяной серой куртки Дэнни. Она торопливо подошла к задней части кузова, готовая вытянуть оттуда несколько завинчивающихся банок с самогоном. На Рождество мистер Салливан всегда брал для себя самого три банки и на эту сумму пополнял их счет в своем магазине.

Напротив, через улицу, неспешно вышел из дверей местной каталажки шериф Бойд. Темная рубашка натянулась на его заметно округлившемся животе и, старательно заправленная под выцветшие джинсы, в паре мест все ж таки вылезла наружу. К груди его был приколот жетон со звездой, который никогда как следует не блестел, сколько бы Бойд его ни натирал. Шериф, естественно, узнал грузовик Джонни, и в прищуренных глазках Бойда тут же загорелся интерес.

– От шерифа Бойда у нас будут неприятности? – спросила брата Сэйди.

– Нет, у нас с ним уговор. – Из ящика для молочной тары Джонни достал две самые большие банки.

– Что за уговор?

– Я даю ему две банки нашего жимолостного самогона – и он смотрит в другую сторону.

Сэйди быстро подсчитала в уме.

– Но ведь это два доллара, Джонни!

Брат крепче ухватился за горлышки банок, и морщинки возле его рта сделались глубже.

– Он пригрозил вызвать полицию штата и сообщить о моем нелегальном самогонном аппарате. А мне этого совсем не надо.

Курт Бойд не был таким высоким, как Джонни, однако он был на пару десятков лет старше и весил как минимум на двадцать кило больше. За должность шерифа в их городке

платили немного, однако Бойд нашел верные способы получить с нее дополнительную выгоду, дабы увеличить свой скромный доход.

Бойд одернул на животе ремень и заправил под джинсы выпустившуюся рубашку. Поглядев налево и направо, шериф двинулся через улицу, явно направляясь к грузовику.

– Почему бы тебе не пойти уже в магазин и не вручить мистеру Салливану его заказ? – предложил Джонни. – Посмотришь пока журнальчики.

– Я там все обложки видела еще две недели назад. Вряд ли там что-то изменилось. А поскольку смотреть мне можно, только не беря в руки, то мне никак не узнать, что там интересного внутри.

Джонни поднял, прижав к себе, банки.

– Сэйди, ступай в магазин. Ничего хорошего не будет, если ты перехлестнешься с Бойдом.

– Я буду умницей.

– Нет, не выйдет. Иди давай в магазин.

Сэйди разгладила на себе джинсовый полукомбинезон, добытый некогда из церковного ящика с обносками. Хотя он и был очень старым, но ткань за долгие годы сделалась мягкой и приятно ощущалась на коже. В прошлом году полукомбинезон висел на худенькой фигурке Сэйди, но теперь ее бедра и грудь прекрасно заполнили в нем пустовавшие места. Она надеялась однажды найти в том же ящике и платье и пойти в нем в кино в Шарлоттсвилле или в Роаноке.

– Я хочу остаться с тобой, Джонни, – упрямо сказала она.

– Делай, что я говорю, Сэйди. – В голосе у Джонни смешались апатия усталости и тревога. – Дома будем препираться, но не сейчас! – приглушенно прошипел он, следя глазами за Бойдом.

Шериф Бойд уже однажды арестовал их брата Дэнни при развозке самогона и посадил его в кутузку. Суд предложил на выбор Дэнни два варианта: три года тюрьмы или армия. Рассудив, что в армии все же кормят куда лучше, Дэнни выбрал второе. Но в глубине души Сэйди подозревала, что Дэнни только рад был хоть такой возможности уехать из Блюстоуна.

– Быстро дуй в магазин! – скомандовал Джонни. – Я сам отнесу ящик с банками.

Нахмурившись, Сэйди сжала кулаки.

– Все равно буду глядеть из окна.

Джонни между тем расплылся в улыбке:

– Рад вас видеть, шериф Бойд!

Оглянувшись по пути к магазину, Сэйди поймала мрачно изучающий ее взгляд Бойда. Вскинув в доказательство своей храбрости подбородок, она зашла в заведение господина Салливана. Над головой тут же зазвенели колокольчики, заглушив то, что сказал шериф ее брату.

Из витринного окна Сэйди видела, как Джонни протянул Бойду ладонь, и они пожали друг другу руки. В ее брате всегда сидела этакая прагматическая жилка, позволявшая ему улыбаться, даже когда он бывал сердит.

– Куда ты там глазеешь? – спросил мистер Салливан.

Сэйди нехотя отвернулась от витрины, украшенной фальшивыми подарками. Мистер Салливан был некогда высоким, широкоплечим мужчиной, однако фигура его с возрастом заметно обмякла, а плечи ссутулились. Свои черные, с сильной проседью волосы он смазывал бриолином и зачесывал назад, разделяя прямым пробором, отчего напоминал Сэйди некий мультяшный персонаж.

– Ничего я не глазею, – возразила она.

– Вечно ты суешь свой нос в то, что тебя не касается.

– Мой брат меня касается.

Даже витавшие по магазину насыщенные ароматы специй и духов или пестрое разнообразие ярких этикеток на консервных банках не могли сейчас отвлечь Сэйди. Она снова угрюмо повернулась к окну.

Шериф тем временем поднял повыше банку, доверху налитую прозрачной жидкостью, и стал внимательно ее разглядывать. Потом сказал что-то Джонни, отчего тот нахмурился еще сильнее. Наконец Джонни кивнул и передал Бойду третью банку.

– Вот же мерзавец, – пробормотала Сэйди.

Брат в последние двое суток почти не спал, допоздна гоня эту последнюю партию самогона – и это после того, как он целый день пас на поле скот, а потом еще и подрабатывал в саду у семьи МакКензи.

Наконец Бойд отправился назад к себе, в кабинет шерифа, неся в руках три полные банки самогона. По пути он оглянулся на магазин, как будто выискивал глазами Сэйди. И когда их взгляды встретились, Бойд самодовольно ухмыльнулся, после чего повернулся и исчез у себя в конторе.

– Ворюга, – пробурчала Сэйди.

– А Джонни привез мне мой заказ? – осведомился мистер Салливан.

– Да, сэр, – отозвалась Сэйди. – Сейчас брат принесет. С ароматом жимолости, как вы любите. Эту партию Джонни сделал с особой крепостью, так что имейте в виду.

Посмотрев в окно, мистер Салливан увидел, как Джонни шагает к магазину, неся перед собой ящик из-под молочной тары.

– Только помни: ни миссис Салливан, ни моя дочь Рут не должны знать о нашей сделке.

– Да, сэр. От меня они ни слова не услышат. А мне нельзя хоть глазком заглянуть в ноябрьский выпуск «*Life*» с Джин Тирни на обложке? Голова у меня тогда будет занята, а рот закрыт.

Мистер Салливан мгновение поколебался, глядя на нее, потом подвинул к Сэйди журнал.

– Смотри только странички не помни. Не то я не смогу его продать, коли попортишь.

– Я буду так с ним аккуратна, что никто даже не заметит, что я его смотрела. – Сэйди торопливо стянула вязаные перчатки и сунула в карман.

Взгляд Джин Тирни на обложке был устремлен куда-то вдаль. Темные волосы обрамляли ее безмятежное лицо, ниспадая на темное платье с V-образным вырезом. Тонкая, как паутинка, двухцветная вуаль спускалась на бледные изящные плечи. Позади актрисы простирался океан, и казалось, будто легкий ветерок ласково овеивает ей лицо.

Сэйди ни разу в жизни не была на океанском пляже, но слышала, что воздух там на вкус соленый, а вода денно и ночью разбивается о берег. Девочка копила деньги, и на сегодняшний день у нее уже имелись один доллар и десять центов. Когда наберется достаточно, Сэйди собиралась отправиться на побережье океана – в точности как Джин Тирни. Вот только сперва смотрится в кино, что в Шарлоттсвилле.

Перелистнув журнал к странице с содержанием, Сэйди нацелилась было просмотреть заметку о мисс Джин, однако застыла, заметив заголовок «Реальные боевые действия». В статье говорилось, президент Рузвельт официально заявил, что американские военные корабли разбиты и потоплены, что погибло более 2300 человек. И что Америка почти вступила в войну с Японией и Германией. Сэйди сразу же подумала о Дэнни. Тот бросил школу после пятого класса и не умел толком писать. Потому-то, как она подозревала, он и не слал вестей домой в течение последнего года.

Колокольчики на входе зазвенели, одновременно послышалось звяканье стеклянных банок друг о друга. Обернувшись, Сэйди увидела входящего в магазин Джонни. Прошагав через зал, он водрузил ящик с банками на прилавок.

– Доброе утро, мистер Салливан, – кивнул он хозяину. – Как нынче поживаете?

– Да не жалуясь, Джонни. – При виде банок взгляд мистера Салливана сразу перестал быть томно-кислым.

– Спасибо за заказ, сэр.

– Ваш напиток неизменно скрашивает мне праздники, когда к нам приезжает погостить теща. Запишу два доллара на ваш счет.

– Благодарю.

Мистер Салливан поднял банку, поглядел прозрачную жидкость на свет, после чего поставил обратно в ящик.

– Чудесненько, – обронил он.

Сэйди поспешно перевернула страничку журнала, понимая, что если Джонни увидит военные снимки, это его сильно встревожит. Его и так уже распалила ярость в отношении Японии, а новости из Европы это могли порядком усугубить.

Она пролистнула до страницы, являвшей Розалинд Рассел в день ее свадьбы. Замуж она выходила за некоего парня по имени Фредерик Бриссон. Сэйди и понятия не имела, кем является жених, однако за спиной у новобрачных она узнала Кэри Гранта и Лоретту Янг. Все четверо сияли лучезарными улыбками.

– Вас не заинтересует возможность взять у меня еще пять банок? – спросил Джонни. – Я в этом году сделал дополнительную партию.

– Я не могу отнести на ваш кредит больше, чем уже зачислил, – ответил мистер Салливан. – Если я чересчур заиграюсь с бухгалтерией, то недостача выплывет наружу.

– Да я вот подумал: вы же можете их продать. А выручку поделим пополам.

Задумавшись, мистер Салливан заглянул в ящик.

– Брать немножко для себя – это одно. А продавать – совсем другое. Что насчет этого скажет Бойд?

– Я дал ему на банку больше, так что в ближайшие дни шериф будет глядеть в другую сторону. Впереди праздники, так что наверняка найдутся желающие пропустить стопочку-другую.

Салливан еще раз посмотрел на банки. Он был достаточно сметливым, чтобы согласиться, что в праздники народ и вправду ищет, где бы лишний раз принять на грудь.

– Тогда по рукам, Джонни, – протянул он ладонь. – Загляни ко мне через несколько дней, чтоб забрать свою половину.

Джонни пожал ему руку:

– Хорошо, сэр.

Мистер Салливан расставил банки подальше в стороне, чтобы их не видно было с улицы через витринное окно, но так, чтобы их сразу заметили постоянные покупатели, которые знали, куда смотреть.

Затем Джонни вытащил из кармана помятую бумажку и, прищурившись, взгляделся в темные каракули записки.

– Матушке понадобятся три мешка муки, банка топленого жира и соль.

– И все?

– На сей раз – да.

Хозяин перевел взгляд на Сэйди:

– Полегче там со страничками, Сэйди Томпсон.

– Да, сэр.

– Нет ли каких-либо новостей насчет войны? – спросил Джонни. – Я слышал, Национальная гвардия вовсю активизировала учения. Похоже, их в любой день могут призвать.

– Не стоило бы торопиться, – заметил Салливан. – Я был во Франции в 1918 году.

– Но мы же тогда выиграли, – вскинулся Джонни.

Мистер Салливан неспешно выставил на прилавок небольшие мешки с мукой.

– Никто тогда не выиграл, Джонни.

– Вы так говорите, будто вы проиграли, мистер Салливан, – подала голос Сэйди.

– Это была кровавая баня, Сэйди. И победа в войне никогда не дается так легко, как это пытаются нам внушить политики, – тихо сказал хозяин.

– Не так уж и трудно взять в руки оружие и стрелять по врагу, – возразил Джонни. – Я вон с восьми лет белок стрелял.

– Человека застрелить совсем не так просто, Джонни.

Когда, наконец, их разговор перешел на стоимость зерна и последний урожай пшеницы, Сэйди вновь стала разглядывать мягкие локоны Джин Тирни и ее темные глаза с густыми ресницами. И хотя фотография была черно-белой, девушка готова была поспорить, что ногти у актрисы выкрашены в красивый и яркий красный тон.

– Мне, кстати, вот что вспомнилось, – сказал вдруг мистер Салливан. – У Картеров сегодня вечеринка, и молодой доктор Картер просил передать, если я тебя увижу, чтобы ты заглянул к ним в Вудмонт. Они празднуют нынче женитьбу мистера Эдварда и чувствуют его заморскую невесту. Так что у них там, надо думать, довольно шумная пирушка.

– И просили передать, что им понадобится мой самогон? – уточнил Джонни.

– Во всяком случае, он пожелал видеть именно тебя. Возможно даже, захотят взять побольше. Сдается мне, у молодого доктора Картера нынче самое настроение тряхнуть мощной. – Он положил поверх муки банку с топленным жиром.

– Будем надеяться, – кивнул Джонни.

Сэйди подтолкнула брата локтем:

– Мама же сегодня устраивает большой ужин. Она уже несколько недель выдерживает на праздник окорок.

– Ужин подождет, – отрезал Джонни. – Мы не можем себе позволить отказываться от дополнительных денег. Особенно теперь.

– Почему «особенно теперь»? – переспросила Сэйди.

Морщинки на озабоченном лице Джонни пролегли глубже.

– Потому что никто не знает, что случится завтра.

Сэйди закрыла журнал.

– Война и так увела от нас Дэнни. И по-моему, с Томпсонов этой дани уже достаточно.

Но Джонни помотал головой:

– Это совсем не так работает, Сэйди.

Глава 6

Либби

Понедельник, 8 июня 2020 г.

Поместье Вудмонт

Пикап Коултона заурчал двигателем и, мягко покачиваясь, покатился по ухабистой грунтовке с высящейся по бокам травой. Дорога, как и оранжерея, три десятка лет оставалась заброшенной, и лес отвоевал себе большую ее часть. И хотя по ней недавно явно прошелся грейдер, потребуется проехать по этому пути еще не один раз, прежде чем дорога снова станет ровной. Леса вокруг были старыми и густыми – как раз, наверное, такими, как и в ту пору, когда первый из Картеров оставил свою пометку на этой земле.

– Поверить не могу, что я не слышала ни разу про оранжерею! – изумилась Либби, поднимая фотокамеру, чтобы заснять дорогу.

– В семье Картеров всегда предпочитали держать ее лишь для своих.

Хозяева Вудмонта вообще имели репутацию людей скрытных и замкнутых. Единственный раз, когда им довелось попасть в поле зрения общественности, случился в конце девяностых, когда один журналист в Ричмонде написал статью об Эдварде Картере и его работе в Линчбургской школе медицинской подготовки и в тамошней больнице. Если верить той статье, доктор Эдвард Картер участвовал в стерилизации пациенток, признанных недееспособными. В статье доктор Картер утверждал, что нисколько не стыдится проделанной работы и что он всю свою жизнь посвятил заботе о женщинах. Вскользь упоминалось и о его работе с бедными слоями населения, и о тысячах благополучных родоразрешений, которые он принял.

Либби вспомнилось, как ее отец что-то пробормотал тогда неразборчивое насчет доктора Картера, но когда она попросила повторить, отец сказал, что это неважно.

– Ты, я знаю, выросла в Блюстоуне – но я почему-то тебя совсем не помню, – сказал Коултон.

– Когда мне было тринадцать, меня отправили учиться в пансион. Ты в каком году окончил школу?

– В 2003-м.

– Ну, а я была бы в выпуске 2007 года. Так что мы там по-любому бы разминулись.

Внезапно пикап наехал на рытвину, нос его качнулся вниз, потом на миг задрался кверху, и Либби пришлось ухватиться за поручень дверцы.

– А ты здесь прожил всю жизнь?

– Я одиннадцать лет прослужил на флоте. Два года назад списался на берег – после того, как умерла жена. У меня два совсем юных отпрыска.

Осознание того, что Коултон потерял жену, странным образом заставило ее испытать к нему еще больший интерес. Так же, как и ее, жизнь подло ударила этого человека.

– Это и есть те два мальчика, что были на свадебном фуршете?

– Ну да, их было бы трудно не заметить, – усмехнулся он.

– Где же они сейчас?

– У моей мамы. Не передать словами, как здорово она мне помогает.

– А отец твой был главным садовником в Вудмонте до тебя?

– Верно.

– Не думала, что в Штатах должность может передаваться из поколения в поколение. Это настолько по-английски. Прямо как в «Аббатстве Даунтон»³!

Его губы тронула легкая улыбка.

– Может быть. Я очень рад, что Элайна решила сохранить имение, а не продавать его частями – если не считать того, что она уже вынуждена была продать.

– Большинство старинных имений вроде этого имеют высокие накладные расходы на содержание и немалые налоги. И если у тебя нет огромного трастового фонда, чтобы поддерживать его в приличном состоянии, то единственный жизнеспособный вариант – это сдавать в аренду на проведение деловых мероприятий, свадеб и прочих торжеств. Как тебе подобный бизнес?

– Не думаю, что мы к этому полностью готовы. – Он усмехнулся, явно несколько не обескураженный этой идеей. И Либби предположила, что Коултон достаточно прагматичный человек, не расположенный идти на риск без особой необходимости. – Свадьба Джинджер явилась этаким пробным пуском. Выйти замуж она решила четыре недели назад и собиралась устроить торжество в здании муниципалитета, когда Элайна предложила ей Вудмонт.

– Четыре недели – очень узкий срок для подготовки свадьбы. Ей повезло, что она здесь своя.

– В тот день все прошло бы лучше, послушайся она моего совета взять напрокат шатер.

– Ну, обычно невесты, женихи и матери невест не очень-то прислушиваются к советам. У каждого свое видение грядущего празднества, и такие чисто практические моменты, как погода, не всегда берутся в расчет.

– Буду иметь в виду, если Элайна и впрямь решит ступить на эту стезю. А ты давно уже в фотобизнесе?

– Пять лет. Поначалу я была медсестрой при онкологических больных. Но потом настал момент, когда мне понадобилось отойти от этой работы.

– И ты достаточно востребована как фотограф?

– Я бы сказала, очень.

– Тебе повезло.

– Да, работа всегда дело хорошее.

Он понизил передачу и сбавил ход, поднимаясь по пологому холму. Лес вдалеке расступался, и Либби заметила там проблеск реки. Поместье Вудмонт располагалось у округлого изгиба реки Джеймс, где она заметно сужалась. За весну и начало лета дожди подняли в ней уровень воды, и река быстрее покатила по острым выпирающим камням.

– Река, смотрю, там намного уже, – сказала Либби.

– Обычно вода спокойная. И в это время года у нас тут много любителей каяка.

– Сегодня-то, скорее, их ждет сплав по бурной реке.

– Это да. Бывают и смертельные случаи.

Либби обратила внимание на его руку, держащую руль, и поймала себя на том, что не может отвести взгляд от его загорелых пальцев с аккуратно подстриженными ногтями. У Коултона были очень сексуальные руки, и эта мысль напомнила ей о том, что последний раз она занималась любовью, еще когда пыталась забеременеть от Джереми.

– А где ты жила до того, как сюда вернулась? – поинтересовался Коултон.

– В Ричмонде. Снимала там квартиру в историческом районе города. Всегда любила старинные здания со своей историей.

Между тем пикап спустился по небольшому склону, повернул – и сразу же Либби увидела стеклянную конструкцию размером примерно шесть на двенадцать метров, уютно устроившуюся посреди лесных зарослей.

---

³ «Аббатство Даунтон» – британский историко-драматический телесериал (2010–2015 гг.).

– Это и есть оранжерея?

– Надо думать, официальное ее наименование – «солярий» или «зимний сад». Фактически это теплица – только намного пальцастее.

Поставленные вытянутым восьмиугольником стеклянные стены соединялись куполообразной крышей. Стекла сплошь покрылись грязью и обросли мхом, а также пышными лианами плюща, мешавшего увидеть, что внутри. Густая растительность плотно подступала к стенам, отчего все это сильно смахивало на площадку для съемок какого-нибудь малобюджетного фильма ужасов.

– Элайна желает, чтобы ее восстановили, – молвил, запарковываясь, Коултон.

– Да уж, задача не из легких.

– Меня, признаться, все имение изрядно заставляя попотеть. Но Элайна уж очень исполнилась решимости вернуть Вудмонт к жизни.

– Должно быть, она сильно его любит.

Задержавшись запястьем на руле, Коултон поглядел вперед.

– По-видимому, да.

– А сама она сюда приедет?

– Да, будет с минуты на минуту.

– А ты еще внутри там не был?

– Входная дверь наглухо заперта и давно заржавела. Это своего рода капсула времени.

– И давно она закрыта?

– Лет так тридцать, плюс-минус, – пожал плечами Коултон. – Никто даже точно не знает.

Они выбрались из пикапа, и Либби порадовалась, что у нее есть лишняя минута разглядеть оранжерею поближе. Солнечные лучи преломлялись сквозь стекло, создавая изумительные формы и светящиеся углы. Либби подняла фотокамеру и принялась снимать.

– Ее возвел дедушка Элайны?

– Да, в 1941-м. В качестве подарка своей английской невесте. Доктор Картер познакомился со своей будущей женой Оливией, когда учился медицине в Оксфорде.

– Чудесный свадебный подарок.

– Как гласит семейная история, из-за войны они поженились гораздо раньше, нежели планировали. Тогда как раз начался Большой Блиц⁴, и оставаться в Лондоне было небезопасно.

– Наверное, твой дедушка и помогал ей засадить оранжерею.

– Возможно.

– Есть какие-то наметки, во сколько выльется ее восстановление?

– Думаю, выйдет недешево.

Либби сделала несколько снимков стеклянного купола, поймавшего на себе яркое полуденное солнце.

Заслышав звук другого мотора, Либби опустила фотоаппарат и немного напряглась. Выскочив из своего пикапа, Элайна сразу направилась к ним быстрыми широкими шагами, немного напомнившими Либби ее собственную походку.

– И что вы об этом думаете? – с ходу спросила ее Элайна.

– Очень впечатляет!

Коултон тем временем прошел к кузову пикапа и вытащил из него монтажку и небольшую пилу.

– Я заезжал сюда вчера. Дверь намертво приржавела к раме, так что понадобится приложить усилия. Очень постараюсь ничего тут не сломать – но никаких гарантий.

– Да, ты меня уже предупреждал. – За улыбкой Элайны явственно сквозило нетерпение.

---

⁴ Большой блиц (или Лондонский блиц) – планомерная бомбардировка Великобритании, преимущественно Лондона, авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 г. до 10 мая 1941 г.

С монтажкой в руке Коултон прошел к уже расчищенному от зарослей пятачку перед арочной дверью в оранжерею.

– Готовы?

– Этот знаменательный момент вскрытия оранжереи после стольких лет я отложила до вашего приезда, Либби, – произнесла Элайна. – Я решила, что вам это доставит особое удовольствие.

Либби сочла, что Элайна будет только «за», если реализацию ее замысла зафиксируют на фото от начала до конца.

– Я уже сделала несколько интересных фотографий. Не возражаете, если я продолжу снимать?

– Нисколько. Давай, Коултон!

Либби подняла к лицу камеру. За объективом она всегда чувствовала себя спокойнее и увереннее, как будто он создавал некий барьер между ней и прочим миром. Когда люди смотрели в объектив ее фотоаппарата, они больше поглощены были собой и переставали замечать ее.

Делая снимок за снимком, Либби сместила ракурс, проследившая поток солнечного света, падающий из-за полога листвы. Скопившаяся на стеклянном куполе грязь большей частью перекрывала свет, однако некоторым лучам все же удавалось просочиться в оранжерею. И благодаря этому она выглядела немного сверхъестественно, словно сияла изнутри.

– Я уже пару лет подумывала ее открыть, – молвила Элайна. – Но, как и во всем прочем, это вопрос выбора приоритетов. Столько всего надо было отремонтировать в главном особняке и привести в порядок в открытых садах. Так что эта идея до поры держалась на периферии.

Коултон тем временем просунул плоский конец монтажки между рамой и дверью и стал осторожно пошевеливать ее назад и вперед. Местами «сросшийся» металл разъединился, однако дверь все равно не подавалась. Коултон принялся терпеливо работать монтажкой, медленно двигаясь кверху вдоль всей спайки. Минут двадцать он методично ее разъединял и сверху, и снизу, по всей длине рамы, пока не сумел расклинить створку. Тогда Коултон отложил монтажку в сторону и руками в рабочих перчатках с усилием открыл дверь.

В этот момент со склона холма донесся приближающийся собачий лай, и, обернувшись, Либби увидела, как Келси и Сэйдж несутся к ним.

– Потом я вообще сниму на замену весь этот дверной блок, но сейчас уже можно войти внутрь. Элайна, я бы пропустил вас первой, но будет лучше, если я проверю, нет ли там змей или еще каких опасностей.

– Да уж, проверь, пожалуйста, – согласилась Элайна.

– Не могу сказать, чтобы я сам был любителем змей, – усмехнулся Коултон, – но тут уж ничего не остается.

Элайна смешливо фыркнула.

– Если б не ты, Вудмонт давно превратился бы в руины.

Либби почувствовала, что Элайну и Коултона связывают теплые товарищеские отношения, настолько близкие к настоящей дружбе, насколько это вообще возможно между хозяином и работником. Но, как бы то ни было, в этом мире всегда будет существовать граница между занимаемыми ими положениями в жизни, сколь бы ни объединяло их взаимное уважение и любовь к земле.

Вытягивая на ходу из кармана маленький фонарик, Коултон вошел в оранжерею. Либби продолжила фотосъемку, жалея про себя, что не прихватила широкоугольный объектив, который больше бы захватывал в кадр жутковатой, сверхъестественной красоты этого места.

Либби прислушалась к ровным, уверенным шагам Коултона, прошедшего вглубь оранжереи. Дневной свет слабо проникал внутрь, не в силах разогнать потемки или царящий в ней

запах сырости. Сквозь заросшее мхом и подернутое плесенью стекло Либби едва различала двигающуюся внутри фигуру Коултона.

– А вы когда-нибудь бывали там, внутри, Элайна? – спросила она хозяйку поместья.

– Да, – отозвалась та. – Я частенько ходила туда с бабушкой, когда была еще маленькой. Мы с ней вместе сажали растения, и она даже завела мне собственный маленький садовый дневник, чтобы я могла вести там свои записи, как делала она.

– Если она вела дневники садовода, то у вас, значит, должно быть где-то записано, что именно она здесь выращивала?

– Да, бабушка оставила весьма скрупулезные записи. Первый дневник она завела в 1942 году и затем каждый год заводила новый, вплоть до закрытия этого зимнего сада уже в восьмидесятых. – Элайна окинула взглядом оранжерею, словно могла увидеть в ее непроглядном стекле печальные отражения своих потерь и сожалений.

Либби завладело любопытство.

– А почему ваша бабушка вдруг перестала всем этим заниматься?

– Я точно не могу сказать, почему она перестала сюда ходить.

– Вы, верно, были очень с ней близки, – не отступала с расспросами Либби, пытаясь установить некую связь.

Элайна окинула взглядом оранжерею, явно уносясь мыслями куда-то в прошлое.

– Она во многих отношениях была изумительной женщиной. И на мою жизнь она оказала большее влияние, чем кто бы то ни было. Она готова была на все, лишь бы защитить меня.

– А для Коултона там не опасно находиться? – вдруг спросила Либби.

– Коултон уже произвел предварительный осмотр всей конструкции и сказал, что опорные балки там внушают доверие.

– Без обид, конечно, но он все ж таки скорее специалист по саду, – возразила Либби. Она уже представила, как вся эта штука обрушивается им на головы, и мысленно пометила для себя добавить к экипировке для съемок еще и защитную каску.

– Он садовник с дипломом инженера-механика, – с усмешкой пояснила Элайна.

В этот момент в дверном проеме появился Коултон.

– Все чисто. Просто смотрите под ноги, а то там много всякой грязи. – Он поглядел на собак: – Тубо!

– Не желаете войти туда первой? – спросила Элайна у Либби.

– Нет, это же ваш проект. Вам первой туда и заходить.

В глазах у Элайны внезапно появилось какое-то нервное напряжение, и она застыла перед входом.

– Я зайду сразу после вас, – попыталась успокоить ее Либби. Чего Элайна могла там бояться?

– Нет, идите первой, – качнула головой Элайна. – Не хочу вас задерживать.

Либби всегда отличалась природным любопытством и смелостью. Когда она была маленькой, то постоянно изводила родителей всевозможными вопросами и оспаривала их ответы. Впоследствии эта жажда все узнать, увидеть и испытать побудила Либби отправиться через всю страну в Калифорнию, поступать там в колледж для подготовки медсестер. И именно это придало ей некогда храбрости сделать третью попытку забеременеть и выносить дитя.

В последние же пару лет в Либби безмерно развилась неспособность чем-либо рисковать. Поначалу она считала, что ее решение отступить и удалиться было вполне стратегическим, как это порой бывало в детстве. Однако в те давние дни она непременно нашла бы потом способ двигаться дальше. А теперь Либби все чаще задавалась вопросом: а сумеет ли она вообще когда-нибудь покинуть отцовский дом и снова оказаться на коне?

Как бы то ни было, сейчас она стояла, попросту боясь зайти в эту чертову оранжерею, потому что заранее представляла, как на нее обрушится эта дурацкая старая крыша, или же

ее укусит там змея, или еще что-либо случится. А мир тем временем проходил мимо нее... что лишний раз доказывали тут же возникшие в голове образы Джереми и Моники. Осознание этого факта все ж таки побудило Либби шагнуть через порог. В конце концов, что может случиться? Она вскинула взгляд к обросшему мхом куполу кровли. *«Обрушение крыши. Крысы и змеи. Разбитое стекло».*

Первым впечатлением от оранжереи изнутри был ее запах. Насыщенный, землистый, зловонный дух напоминал запах овощей, сильно перележавших в холодильнике. Влажный кислородно-затхлый воздух казался почти удушающим.

Тут же ее взгляд устремился в центр бывшего зимнего сада, где стоял давно замерший фонтан – точно часовой, наблюдающий за доверенной ему территорией. Все три яруса фонтана заполнила грязь, в которой давно пустили корни сорные травы.

Вокруг бороздчатого основания фонтана была выложена «в елочку» широкая, на половину оранжереи, кирпичная площадка, тоже уже порядком заросшая мхом. В некогда плодородной земле по краю площадки сидели давно переросшие растения, одичавшие до полной неузнаваемости. Вдоль стены зимнего сада тянулась наверх, к свету, туго перекрутившая свои лианы жимолость.

Келси с Сэйджем пробрались внутрь теплицы, оба привлеченные новыми запахами. Сэйдж тут же задрал лапу и демонстративно пометил территорию. Келси последовала его примеру.

Коултон хотел было их отловить и выдворить наружу, однако Элайна его остановила:

– Не беспокойся, все нормально. Они ведь тоже члены семьи.

– Мне тут нравится, – сказала Либби, вскинув взгляд к купольной кровле.

– Это была невероятная роскошь по тем временам, – заговорила Элайна. – Моя бабушка очень любила орхидеи, и дедушка построил для нее этот зимний сад, чтобы она могла любоваться ими круглый год. Бабушка родом из Англии, и она говорила, что оранжерея эта была в точности такой, какая была у ее родителей в Лондоне. Она разрушилась вместе с родительским домом во время бомбежки.

Коултон между тем подошел к одной из стеклянных панелей и внимательно оглядел идущую по диагонали трещину.

– Знаете, Элайна, – молвил он, – а вы могли бы даже сколотить небольшое состояние, демонтировав это сооружение и продав все до последнего фрагмента какому-нибудь обществу спасения архитектуры. Очень качественная конструкция.

– Мы уже это обсуждали, – возразила Элайна. – Я хочу восстановить оранжерею. Сделать ее такой, какой она была когда-то.

– На это потребуются месяцы.

– И деньги. Я имею представление, во что все это выльется. – Элайна провела кончиками пальцев по краю чаши фонтана. – Я так подозреваю, что трубы, по которым сюда подавалась вода, тоже нуждаются в ремонте?

– Да, – кивнул Коултон. – Вода сюда шла самотеком от колодца, что рядом с главным особняком.

– Отличное инженерное решение, – оценила Либби.

– Дедушка хотел для своей невесты только самого лучшего, – задумчиво сказала Элайна.

– А каким был ваш дедушка Эдвард Картер?

– Чрезвычайно преданным своей работе, что временами воспринималось неоднозначно.

– Кажется, я что-то читала о нем много лет назад, – припомнила Либби.

– Да, той публикации трудно было не заметить.

Воздух в оранжерее казался тяжелым, причем не только от избыточной влажности – в нем царили глубокая печаль и чувство потери. Зимний сад был задуман для того, чтобы выращивать там цветы и фрукты, однако долгие годы пренебрежения и забвения сделали его бес-

плодным. Семейной реликвией, которая больше доставляла теперь хлопот, нежели пользы. Тут по спине у Либби пробежал холодок, и она подумала: а что, если версия о проклятии, которую она услышала от Сьерры, не так уж далека от истины?

Храня молчание, Коултон прошел в дальний конец оранжереи и опустился на корточки, разглядывая фундамент. Поднял с земли пустую банку из-под пива, помятую и давно выцветшую.

– Когда я учился в старшей школе, некоторые ребята любили иногда сюда забраться.

– Такое впечатление, что и сам ты был среди той компании, – улыбнулась Элайна.

– Это было много-много лет назад, – отозвался Коултон.

В нынешнем Коултоне все, казалось, было в равновесии. И Либби вдруг пробрало любопытство: а в свои шестнадцать он был таким же сдержанным и рассудительным?

– Либби, а вы тоже сюда втихаря пробирались? – спросила ее Элайна.

– Я в том возрасте училась в пансионе, так что пропустила все удовольствие.

В кармане у Коултона затрезвонил будильник телефона. Он достал сотовый и отключил сигнал.

– Мне надо съездить забрать мальчишек. Они сегодня играют у приятелей, – произнес он мягким и очень спокойным тоном. – Как только их устрою дома, то сразу вернусь сюда и примусь за расчистку. Либби, обратно к особняку ты со мной поедешь или с Элайной?

– Она сможет вернуться со мной, – ответила за нее Элайна.

– Хорошо, – кивнул он.

– Коултон, если тебе понадобится нанять еще рабочей силы – то пожалуйста, – добавила Элайна. – Я хочу, чтобы все здесь было сделано как надо и без отлагательств.

– Будет исполнено. – Коултон вышел из оранжереи, свистнул собакам, и те радостно помчались за ним к пикапу.

Взгляд Либби скользнул по выложенному елочкой кирпичному полу оранжереи к небольшому каменному столику, пристроившемуся в одном из ее углов.

– Я рада, что вы решили открыть имение для публики. А с деловой точки зрения это даст вам дополнительные средства, чтобы поддерживать его красоту и историческую ценность.

– Может, и так, – ответила Элайна. – Или я могла бы держать его закрытым для посторонних и доступным исключительно для членов семьи. Мой муж называет это очередной моей спасательной миссией.

Либби вдруг подумалось, а не является ли, часом, она сама одним из объектов этой «спасательной миссии», – хотя с полной уверенностью могла сказать, что ни в каком спасении со стороны не нуждается.

– Я думаю, это по-любому достойное дело, – вслух сказала она.

– Мне приятно, что вы считаете именно так, – ответила Элайна.

Либби нацелила объектив на небольшую статую, изображающую ангелочка. Вываяна она была из белого мрамора и, как и все прочее здесь, обросла местами толстым слоем мха. Либби прошла к противоположной стене, чтобы оглядеться оттуда. Сделала еще несколько снимков, а потом, глянув вправо, заметила несколько корявых букв, нацарапанных на стеклянной панели.

– «Сэйди», – взглядевшись, прочитала она.

– Что? – как будто даже вздрогнула Элайна.

– «Сэйди, 1942». Имя и дата нацарапаны на стекле.

Либби сделала еще несколько снимков.

Элайна подошла к ней и с нежностью провела кончиками пальцев по буквам:

– Я уже успела об этом забыть.

– А кто такая Сэйди?

– Это местная девушка, которая какое-то время работала у моей бабушки.

– А она еще живет в городке?

– Она умерла в девяностых.

Либби быстро прикинула, что если поискать в местных архивах, то наверняка можно побольше узнать об этой Сэйди. И в то же мгновение, как это пришло ей на ум, Либби подумала: какое это, в сущности, для нее имеет значение?

Вслед за Элайной Либби прошла к ее пикапу и забралась на пассажирское сиденье. Элайна завела двигатель, включила заднюю передачу, сдала назад и ловко развернулась, будто проделывала здесь это уже сотни раз.

– Изумительное местечко! – Либби просмотрела сделанные ею снимки купольной крыши, где стекло, преломляя солнечный свет, разбивало его в радужное сияние.

Уткнувшись в холм, пикап стал неспешно взбираться на него, направляясь к наезженной гравийке, что вела к кружной дороге перед главным особняком. Спустя некоторое время Элайна припарковалась позади машины Либби.

В который уж раз Либби задалась вопросом: почему все-таки бабушка Элайны внезапно отвернулась от столь невероятной красоты?

– Я составлю бизнес-предложение и пришлю его по электронной почте.

– У меня сегодня будет маленький семейный ужин. Будут только Маргарет, Коултон и его мальчишки. Возможно, присоединится и моя дочь Лофтон. Привозите свое предложение лично и присоединяйтесь к нам.

– Вы уверены, что это будет удобно?

– Вполне.

– Тогда да, конечно. Это было бы замечательно. Спасибо. А в какое время?

– В пять. Я понимаю, что это слишком рано для ужина, но мальчишкам к семи надо будет уже отправляться домой спать. Дети, как никто, умеют перестроить под себя нашу жизнь.

– Да, так мне об этом и говорили.

Глава 7

Либби

Понедельник, 8 июня 2020 г.

Поместье Вудмонт

Либби уже выезжала из Вудмонта в направлении Блюстоуна, когда мобильник пискнул, приняв сообщение от Сьерры: «Встретимся возле бывшего магазина. С.». Остановившись, она отправила в ответ эмоджи с двумя воздетыми большими пальцами, после чего включила передачу и направилась к центру городка.

Напротив старого здания бывшего универсального магазина был припаркован красный «Мини-Купер» Сьерры. Либби пристроила свое авто прямо за машиной подруги и перешла тротуар к парадной двери. Широкое витринное окно было заделано крафтовой бумагой с табличкой «Магазин закрылся». Потертая дверная ручка была из потускневшей меди. Над верхней перекладиной дверного косяка была натянута паутина и покоилось маленькое птичье гнездышко.

Толкнув входную дверь, Либби из яркого летнего солнца шагнула в полутемное пространство со спертым воздухом. И пол, и три сохранившихся там стеллажа были покрыты многолетним слоем пыли. В глубине напротив входа высилась стойка, за которой некогда обслуживал клиентов хозяин магазина. На ней стояла укупуренная завинчивающаяся банка, доверху наполненная прозрачной жидкостью.

Либби взяла в руки банку и вытерла с крышки пыль. Она уже достаточно прожила в этих краях, чтобы понять, что содержимое банки – местный самогон, причем давно уже перестоявший срок безопасного употребления. По-любому это было чертовски ядовитое зелье.

– Сьерра, только прошу тебя: не говори, что ты собираешься купить эту точку!

– Я уже ее купила! – донесся голос подруги из потемок заднего помещения, и через пару мгновений появилась и она сама. Сьерра успела переодеться в черную футболку, джинсы с бахромой, доходящие лишь до середины икр, и красные сандалии на толстой пробковой подошве.

– Ты серьезно? – опешила Либби.

Подруга просияла широкой улыбкой, что появлялась на ее лице всегда, когда Сьерра пыталась подавить нешуточную панику.

– Из хороших новостей: мне удалось сторговаться с продавцом, и он значительно снизил цену, – сообщила Сьерра.

– А как с кредитом на ремонт этого здания?

Та легонько пожала плечиком:

– Кредит мне не дали.

– Но почему? Ты же унаследовала от Адама земельный участок! Разве он не сойдет для тебя как залог?

– Земля еще десять лет будет в доверительном управлении. Его семейство опасалось, что он женится на какой-нибудь охотнице за деньгами. – На краткий миг ее улыбка потускнела, но потом снова засияла на лице. – Таннер был уверен, что я смогу взять кредит под залог этой недвижимости, но теперь выходит, что на это потребуются одобрение отца Адама.

Либби даже испытала нечто вроде сочувственной симпатии к этому человеку. Покупка старого магазина была не самой разумной инвестицией, а между тем хранение денег в трасте означало, что у Сьерры всегда будут какие-то денежные источники в будущем.

– И тебе не переубедить своего свекра?

– Он не уступит.

Либби прошлась по пыльному помещению.

– И здесь предположительно будет твоя сэндвичная?

– Да, именно такого заведения в наших местах и не хватает! В радиусе двадцати миль полным-полно пиццерий – и это замечательно, если тебе надо покормить детей или самой побыстрому перекусить. Но если ты едешь на пикник к какой-нибудь из здешних виноделен и хочешь взять с собой приличный ланч – то ты придешь ко мне. Все, что я здесь буду продавать, прекрасно подойдет для пикниковой корзины. Кстати, именно так я и собираюсь назвать свое заведение: «Пикник».

– Пикник, – повторила Либби. Она уже имела представление о собственном бизнесе и знала заранее, что Сьерра будет пахать здесь долгие часы в лучшем случае за минимальную прибыль. – Просто и прямолинейно. И когда ожидается открытие?

– Планировалось в середине осени. Но поскольку я буду делать в основном все работы сама, то, скорее всего, уже только весной.

– В следующем году тебя ждет отрицательный денежный поток, – заметила Либби.

– Ну, по прикидке, да. – Сьерра слегка пожала плечами. – Но знаешь, для меня вламывать с утра до ночи совсем не тяжело. Тяжело сидеть наедине со своими мыслями и переживаниями. Если что, я и сама тут все сделаю.

– Тебе когда-нибудь доводилось сносить стену?

– Нет, но могу поискать, как это делается, на «Ютьюбе».

– Ты серьезно?

– Разве не так ты сама освоила фотографию?

– Это так, но в фотосъемке нет несущих балок. Как нет ни водопровода с канализацией, ни электропроводки, которая просто может тебя убить.

– Все, что понадобится, я могу узнать на «Ютьюбе», – с легкостью сказала Сьерра. – Я абсолютно верю в свое начинание.

– Ну, хорошо.

– Порадуйся за меня, Либби! Мне это так необходимо.

– Я за тебя очень рада.

Это была чертовски рискованная затея – но, по крайней мере, Сьерра не боялась рискнуть.

Либби принялась щелкать фотокамерой.

– Самое время уже начать запечатлевать всю эту авантюру. Когда на телеканале «Дом и сад» наткнутся на твой сетевой дневник и позвонят, у тебя будет в запасе уже масса фотографий.

– Ух ты! Мне нравится ход твоей мысли! – Сьерра уперла руки в бока, чуть отклонила корпус и широко улыбнулась: – Вот моя лучшая поза для фото.

Либби сделала несколько снимков:

– Твое место – на обложке глянцевого журнала.

Тогда Сьерра изменила позу, сложила у груди руки и проникновенно уставилась в объектив:

– И чтобы ты знала, что я все же не совсем еще с катушек съехала: завтра ко мне придет подрядчик. Он и позаботится о том, чтобы я не снесла какую-нибудь не ту стену и не обрушила все здание. Его зовут Джон Стейплтон. Мы с ним учились в старшей школе.

– Ну, это хорошо, что он из знакомых.

– Если точнее, мы с ним даже когда-то встречались.

– Да ну! Правда, что ли?

– Это, скажем, долгая история.

– Тогда не стану и расспрашивать.

– Да, лучше не спрашивай. Но он все такой же привлекательный.

Либби указала рукой на стеклянную банку, стоящую на прилавке:

– Это, часом, не самогон?

Сьерра подняла повыше банку с прозрачной жидкостью.

– Очень на то надеюсь. Там, в заднем шкафчике, нашелся ящик с шестью такими банками.

– Только не вздумай это пить. Неизвестно, сколько там все это простояло. Можешь ослепнуть, если эта отравка тебя сразу не убьет.

Рассмеявшись, Сьерра поставила банку обратно на стойку.

– Я не настолько сумасшедшая. Просто мне это показалось любопытным. Первый владелец магазина, мистер Салливан, похоже, к этому делу был равнодушен. Ну, а как у тебя прошла поездка в Вудмонт?

– У Элайны Грант тоже, как и у тебя, великие планы по ремонту и восстановлению. Она собирается вернуть прежний вид оранжерее, что, как выяснилось, есть в ее имении.

– Ах, оранжерея! Какие о ней нежные воспоминания!

– Откуда ты могла узнать про тамошнюю оранжерею? Я вот никогда о ней не слышала.

– Так ты же была в пансионе. А мы старшеклассниками порой туда наведывались поздним вечером.

– Коултон говорил примерно то же самое. Как же вам удавалось пробраться внутрь?

– Ну, это было, скажем, непросто. Для начала приходилось пробираться пешедралом вдоль реки, а потом долго взбираться на холм. Как правило, делалось это на «слабо».

Это объясняло ту банку из-под пива, что обнаружил в оранжерее Коултон.

– Но зачем?

– Потому что это проклятое место, детка! – рассмеялась Сьерра. – Покойная миссис Картер...

– То есть бабушка Элайны?

– Ну, видимо, да. Короче говоря, как гласит история, ее муж преподнес ей этот зимний сад в качестве свадебного подарка. Ходят слухи, что где-то в середине сороковых она оказалась причастна к убийству...

– Кто?

– Ну, тут уже кто как рассказывает. Якобы благодаря семейным связям она сумела отвертеться от тюрьмы или от громкого скандала. И говорят, тот мертвец доселе бродит по их землям, особенно по оранжерее, поскольку знает, как она ее любила.

– А ты сама-то хоть раз видела там призрака?

– Зачем видеть какого-то призрака, чтобы бояться? Достаточно просто лежать под этим стеклянным куполом, попивая «Фаербол» и представляя, как по темному лесу вокруг подкрадываются темные духи. Это восхитительно жутко!

– Ты когда-нибудь слышала имя «Сэйди»? Это имя было нацарапано там на стекле.

– Нет, никогда не слышала.

– Она, должно быть, была очень близка к семейству Картер. А еще под именем указан год – 1942-й.

– Очень любопытно.

– Я теперь чувствую себя вконец обделенной, – громко вздохнула Либби. – У нас, в пансионе, никогда не было никаких историй с призраками.

– Ой, детка, как же я тебе сочувствую! Ну, может, когда в следующий раз поедешь в Вудмонт, то наконец твое желание сбудется.

Учеба в пансионе, конечно, подразумевала хорошее образование, однако это создавало и определенный разрыв между Либби и ее привычным кругом, включая также отца. У нее

была бы возможность поравняться с друзьями летом – но отец частенько отправлял ее летом учиться в Европу.

– Кстати, Элайна пригласила меня сегодня вечером на ужин, – сообщила Либби.

– О-о, да ты, я смотрю, скоро будешь вась-вась с богатыми землевладельцами!

– Она говорит, что мы там сможем обсудить мое бизнес-предложение по фотосъемке.

– Это, дорогая моя, можно сделать по электронной почте или эсэмэс. Так что, скорее всего, ты произвела большое впечатление на миссис Грант.

– Может, и так. – Шорох чьих-то маленьких лапок за старой стеной вернул Либби к действительности. – Я помогу тебе здесь, когда выпадет свободное время.

– Это когда у тебя выпадает свободное время?

– Да, иногда оно вдруг приподымает свою жуткую голову. Как ты уже сказала, пахать с утра до ночи куда легче.

Сьерра взяла ее под руку:

– Ну, вот скажи: разве мы, две созависимых отщепенки, не ищем себе новую яркую жизнь?

Либби рассмеялась:

– Если так говорить, то мы должны наводить скорее ужас!

– А мы, быть может, и наводим.

– Мне бы как-то не хотелось, чтобы нас воспринимали таким образом.

Во взгляде Сьерры на мгновение промелькнула тень, и вновь засияла улыбка.

– Тогда будем это отрицать до конца.

* * *

Вторую половину дня Либби прокорпела над расписанием фотосъемок предстоящей в ближайшие выходные свадьбы и обмениваясь сообщениями с невестой по имени Джоанна. И предсвадебный банкет накануне, и сама свадьба должны были состояться на историческом вокзале Ричмонда «*Main Street Station*». Поскольку это был по-прежнему действующий железнодорожный вокзал, то в заметках у Либби имелись не только имена непосредственных участников и гостей брачной церемонии, но также и расписание поездов (в 6:35 и в 8:30 пополудни). Она еще раз проверила свою бронь номера в ричмондской гостинице и трижды перепроверила готовность к работе нанятого ею на этот день второго фотографа. И тут же составила в голове новый перечень наихудших вариантов развития событий: «*Сезон ураганов и дождей. Поток пассажиров поезда, вливающийся в кадры. Перепившие гости, разошедшиеся по вокзалу*».

Еще она составила предложение для Элайны, распечатала его на белой линованной бумаге и положила в гляцевую папку-конверт со своим логотипом.

Время пробежало быстро, и Либби даже могла бы отчитаться – будь это кому-то интересно, – что она лишь дважды заглянула на инстаграмные страницы Джереми и Моники. К ее разочарованию и облегчению, там не было никаких новых фотографий с большим животом или же с подготовкой к свадьбе.

В четыре часа Либби приняла душ, вымыла и даже высушила феном волосы, что на неделе делала крайне редко. Некоторое время потратила на легкий макияж, нашла в чемодане чистые джинсы и немнущийся белый топ из шитья. Прихватила с винной стойки бутылку шардоне, оставшуюся у нее таким одиноким сувениром из того дома, где они жили вместе с Джереми.

Теперь, уже отлично зная двадцатиминутную дорогу в Вудмонт, Либби обнаружила, что с каждым разом все больше наслаждается простирающимся вокруг холмистым сельским пейзажем. Поначалу ее разочаровывала безлюдная пустота этой местности, сильная разбросанность строений, когда вроде бы не на чем остановить взгляд, – но теперь ей это нравилось все силь-

нее. Наконец Либби свернула между кирпичными столбами на длинный проселок, ведущий к главному дому, и от колес сразу взвилась дорожная пыль. Взгляд Либби устремился к лежащему с востока полю, где паслись две черные лошади.

Припарковавшись перед крыльцом особняка, Либби взяла в руку папку с предложением и бутылку вина и поднялась по ступеням к парадной двери. Там оказалась прилеплена записка, где четким аккуратным почерком значилось:

«Либби, обойдите дом к боковому входу для своих».

Стянув записку с двери, Либби прошла вокруг дома, мимо низкой самшитовой изгороди и цветущих клумб с анютиными глазками и ирисами.

Перед этим входом с недавно обновленной дверью не было никакой террасы, и прежде Либби вообще не обращала на него внимания. Она поднялась по свеженьким деревянным ступеням и постучала. Спустя несколько секунд изнутри послышались тяжелые шаги, и дверь резко распахнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.